

Марина Тихонова

ТАЙНИК 21

фантастическая
повесть

Марина Тихонова

Тайник 21

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11641536

ISBN 978-5-4474-2068-0

Аннотация

Отправляясь в поход, Дэн, Сашка и Юла готовы, очертя голову, прыгнуть в любое приключение, и им удастся сорвать джек-пот. Они попадают в тайник, где время и пространство выкидывают странные фокусы, а загадки, встречающиеся повсюду, приводят к непростому выбору.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

88

Тайник 21

фантастическая повесть

Марина Тихонова

Стать кем-то другим – это моя самая большая надежда.

К. Кобейн.

© Марина Тихонова, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Восьмое августа, до университета осталось двадцать три дня. Первый же поворот отрезал от нас жаркий солнечный день. Из штолен льется темнота. Еще шагов двадцать спиной ощущаю полуденный зной. От вздоха, долетевшего из бокового коридора, по коже гуляют мурашки. Последняя мысль о лете, оставшемся позади, растаяла. Здесь, наверное, всегда сухой пыльный октябрь. Тепло так долго храню в памяти от того, что кругом черно и тихо. Чувства постепенно обостряются, но ловят только миражи. Откуда-то впереди послышался голос, сварливый и старый. Два. О чем-то спорят. Кажется, никто кроме меня их не замечает.

– Ты уверен, что мы идем правильной дорогой?

– Долго еще? Надоело, может передохнем? Юла, отвя-

жись! – возня за спиной и пыхтение. Не оборачиваюсь, опять она пытается поменяться с братом рюкзаками.

– По-моему, впереди дверь... – Сашка отделился от нас и исчез.

– Где? Да отстань!

Блики от фонариков прыгают по стенам и сливаются в трепещущий шар. Через несколько метров Сашкин призрак остановился, показал недвусмысленный жест, адресованный Кире, и побежал по главному проходу дальше. Какое-то время вижу перед глазами его слепую от направленного света улыбку. Холод впился зубами в мышцы и исчез, я только вздрогнул, теперь блуждает где-то внутри. Наверное, избавлюсь от него, только когда выберемся обратно на солнце.

– Ничего себе – шагать и шагать до этой двери! Мне без разницы, я на перекур, – Кирилл свалил с плеч раздувшийся от поклажи рюкзак и сел на него.

– Не надо, ну его, догонит, – рука у нее горячая, оттащил с трудом. Идем вместе.

– А в маршруте про дверь что-нибудь было?

– Было, нам ее и надо найти, я же говорил – не заблудимся.

Есть у меня парочка друзей, они эти ходы как дом родной...

– Вы чего, все кирпичи мне сложили? – Кира нагоняет нас, продолжает жаловаться, – за каким надо было лезть сюда? Обошли бы лесом, как раз на смотровую площадку, там до твоего тайника идти минут двадцать! Черт! – задохнулся и замолчал.

– Это нечестно... – я прислушался, ни спорящих голосов, ни шагов Саниных. Ушли. Все ушли.

– Денис! Чего встал?

– А? Идем, идем.

– Так с чем тайник? Опять какие-нибудь блокноты, игрушки и прочая дребедень? Как думаешь, если я наушники оставлю – сойдет?

– Юлька-дура! Рабочие – лучше мне отдай... – Кирин голос замер где-то сзади. По заплетающимся шагам я время от времени ощущаю его присутствие рядом.

Снова тишина, как вода вязкая, гудит в ушах. Почему-то вдруг захотелось схватить Юлу и вывести побыстрее из штолен наружу. Дверь растет медленно. Если опущу голову, а затем взгляну опять – как будто летит на меня, и надо сдерживаться, чтоб не отшатнуться. Сашки не видно.

Вдруг упало что-то тяжелое. Кирилл кричит. Пока бежим назад, в темноте разносится отборная ругань.

– Тихо, тихо! А то получишь еще! – из облака серой пыли выходит Сашка, потирает ушибленный бок, – сам напросился, стоит – рот раззявил, как дурачок, еще бы слюней напускал, – объясняет Юле и уходит прочь, бросив через плечо, – чего вы как долго? Я уже туда и обратно сгонял.

– Пошел ты! – Кирилл сплюнул и, глотая слезы обиды, схватился за вещи, будто за спасательный круг. Всегда ревет, чуть что.

– Ты открывал ее? Что там? – лучше оставить их вдвоем,

пусть успокоит, Юла умеет. Тороплюсь за Саньком.

– Не-а.

– Почему? – себе под нос, но он услышал.

– Не хочу один.

Снова предчувствие, что надо бы сдернуть отсюда. Прямо сейчас. А ноги – вперед и вперед.

– Да урод он, чего, сама не знаешь? Сзади подошел, я... я задумался. Юль, мне тут не нравится. Там, на стене – слова, – перешел на шепот. Все равно слышу, или кажется только, – я прочитал, – вкрадчиво, как про запас виски у родителей, – нет, смысла никакого! Бред один. Привратник потерял свой чайник, ищет и никак не может его найти. Не пейте, отдайте ему миндальные яблоки. У Магистра праздник, поздравляем, вы приглашены!

Смех разбирает, но вслух – ни звука. Сбил дыхание. Сашка приоткрыл дверь и смотрит внутрь, рука замерла на прожавевшей ручке.

– Пусти, – отталкиваю, а он не сопротивляется. Только оглянулся на меня и выдохнул:

– Чайник.

Подсобка, и градусов на десять ниже. Кругом битое стекло, где-то затянутое инеем. Мусор повсюду и пыль. Здесь зима, а меня бросает в пот. Забытые, состарившиеся вещи. Посреди – стол, деревянный, полусгнивший, несколько полок сломано. Хочется все рассмотреть до мелочей, потрогать, лишь бы отвлечься от закипевшего чайника. Из носика

поднимается тоненькая струйка пара. В голову ударяет запах мяты, я хватаюсь за дверь. Она настоящая. Отвести взгляд невозможно. На осколках возле стола растет мохнатый узор. Страх тупой, его можно закрыть и заставить молчать.

– Дэн, смотри, шахта! Идет вверх. Что в маршруте? – Сашка вытащил стремянку из хлама на полу. Напротив квадратное черное отверстие в потолке. Юла и Кирилл молчат, словно воды набрали.

– Сказано – будьте внимательны и любопытны. И все.

– Яснее ясного, – Санек попробовал первую ступеньку, – Юль, айда, там что-то есть!

Обхожу стол и едва не сажусь на пол от испуга и удивления. Днище чайника стоит на сотне тоненьких металлических ножек. Одна из них вдруг оступилась, и все остальные тут же приходят в движение, стараясь сохранить равновесие. Тараканы топчутся как будто.

– Елки, тут лестница, надо только подтянуться немного! – голос Сашки откуда-то издалека.

Никто не смотрит в мою сторону, не видит.

– Полезем, – слышится не вопрос, утверждение, – что там твои друзья рассказывали на счет этой шахты? – прошла мимо меня, подбирается к люку и тянет Сашку за джинсы, – подсадишь?

– Не, пусть Дэн, – скрылся в темноте.

– Ничего не рассказывали, не было здесь ее...

– Я останусь тут, подсвечу вам, посторожу рюкзаки. Дэн, а

куда чайник делся? – разгребает носком кроссовка обертки и жженую бумагу, оглядывается исподлобья, – курить хочу. Слушай, а он был вообще? – не поворачиваюсь, не могу оторваться от черной дыры, куда пропадает Юлька.

– Ушел, наверное.

– Кто?

– Чайник.

– Эй, мелкий, так и будешь всю жизнь в запасных? – Сашкин смех, запертый в камне. До нас доносится лишь его эхо, как будто это проснулась гора.

Не покидает чувство, что штольни исчезли. Точно так же, как августовский день перед этим. Больше недоступны. Мираж, навеванный сжимающимися стенами, вот-вот придется их удерживать руками. Скорее бы выбраться наверх, нестерпимо. Позади всего-то десять ступенек. Сашка направляет фонарик вверх, кажется, они с Юлой намного впереди нас. А я почти ничего не различаю, темень дышит в затылок.

– Мелкий, блин, заснул, что ли? – уткнулся головой точно в Кирилла, замер. Дрожь с него перебирается на меня, и я с трудом выговариваю, – чего опять?

– По мне что-то ползет...

– Иди ты! – подталкиваю его слегка, но он, наоборот, оседает мне на плечи.

– Сань, Сашка, посвети вниз, по-моему, Кира нашел тут друга, – чей-то чужой, не мой голос.

Через мгновение я слепну. Мир окунулся в жгущее желтое, потом резко в черноту, которая, набросившись, тут же отступила. Вокруг появляются детали. Торопятся, наскоком, я не вижу всех, только чувствую их множество. Лестница совсем другая, не как мне представлялась... Слышу Кирина хрип. Он медленно, или это чувство времени нарушилось, садится на меня. Не успеваю среагировать, одна рука уже цепляется за воздух, перекладины стали скользкими. Вдруг понимаю, что под нами не три-четыре метра, под нами пустота, крик замирает в горле острым комком. На спине Кирилла прыгает туда-сюда какое-то насекомое. Сверчок, большой, слишком большой и золотистый. В ушах звенит, мешает думать. Страшно не упасть, а поддаться этому шуму в голове. Тварь перескакивает мне на голову. Стараюсь вернуть руку на место, та не слушается. Сверчок перебирается на мое плечо и, расправив прозрачные крылья, слетает вниз, в шахту с шумом пропеллера.

– Какого черта у вас происходит? – раздраженно, – всегда от него проблемы.

– Дэн, помоги Кире, – Юла спускается быстро, но не достаточно. Мы отдаляемся от них. Какое-то мгновение тишины. Ни с того, ни с сего Кирилл начинает творить руками и ногами что-то странное. Заехав мне по лицу, умудряется схватить металлический прут перед ним и поднять тучу пыли. Я не дышу, пока лестница не перестает ходить подо мной ходуном, и не иссякает поток мелких камней.

– Давай, давай, – слышу, как она подбадривает брата.

– Вот идиот, чем дышать теперь? Блин! Полезли уже, скоро выберемся. Увидим, ради чего столько визга. Не везет нашим девочкам... – свет ушел, опять мы в полутьме. Сашке надо бы исправить лексикон.

Задираю на нос майку, немного легче. Чувствую жару, пот и реку, от мыла только слабенький дух. Кира сделал тоже самое. Значит, Юла посоветовала. Мысль о том, что я знаю ее запах, проносится и исчезает. Ровно два сильных, выбившихся из ритма, стука сердца.

– Видел его, – Кира шепчет, будто здесь не слышно даже простого движения губ.

– Ага. Не знаю, – предупредил я его вопрос, – ерунда какая-то творится.

Скрежет проходит сквозь кости и через пальцы, пропадает на лестнице. Мягкий свет крадется по шахте, касается моего лица, рук, падает вглубь.

– Приехали, – Саня отодвигает тяжелую крышку и первым вылезает наружу.

Чем ближе к открытому люку, тем сильнее предчувствие неизвестного. И хорошее, и страшное одновременно. То, что осталось в темноте, кажется далеким, несуществующим. На самом деле много вещей, о которых легко не помнить. Или так всегда происходит, когда выбираешься из шахты, где летают чудовищные сверчки.

Спорят, но прийти не к чему. Не хочу слушать, от них болит голова. Отвечаю не впопад и только больше раздражаю остальных. У меня нет вариантов, как мы очутились в этой аллее. Устоять на месте сложно. Я бреду вдоль колеи, изредка оглядываюсь на Юлу и Санька. Все происходит на самом деле.

Рельсы лежат на вымощенной красным булыжником дороге, между двумя густыми рядами деревьев, смыкающихся высоко над нами. Из крон через равные промежутки выглядывают круглые уличные фонари. Пути очень странные. Там, где мы поднялись, вторая ветка отделяется от основной, делает петлю, и обе вновь сливаются вместе. Аллея прямая, убегает вдаль. Похоже, каштанам нет счету.

Приближающиеся шаги, топот. Вокруг тихо, мошкара жужжит возле раскаленных ламп.

– Ты куда собрался? – недовольна, разворачивает меня.

– Надо же куда-то идти.

– Думаешь, это взаправду? – Сашка озирается, но в глазах появилось нечто новое, что я прежде не замечал.

– Думаю. Не знаю. Как проверить? Можно сесть и ждать, пока пройдет галлюцинация, только за себя я уверен – ничего не принимал. А хоть бы и так – что толку сидеть, если это все, – я обвел рукой улицу и неожиданно увидел что-то белое, выглядывавшее из-за дерева, – если... если...

– Мы могли задохнуться в той шахте, а это – вроде... вроде после ... – ищет слово.

В сторону люка никто из нас не смотрит. От одного его вида тревожно. Лестница пропала, и спуститься обратно уже нельзя, можно прыгнуть, но куда? Внизу нет ничего, только холодом веет.

– Допустим, но добывали там не серу, а мелом и пылью нельзя так запросто отравиться. И живее, чем сейчас, я себя давно не чувствовал. Мне без разницы, хотите – лезьте назад. Чего там увидел? Я намерен пройти все уровни и вскрыть этот тайник. На что игра-то? Надеюсь, на что-то стоящее, – Сашка презрительно скривился.

– Вы получите ключ, открывающий невидимые двери. В паспорте было написано, – я пожал плечами. Сейчас все это не кажется мне забавным, как до входа в штольни.

– Где ты раскопал этот маршрут? Выбирают же люди, не знаю, заброшенные поместья, полянку в лесу, как ...?

– На сайте все тайники раз по десять осмотрены и описаны в комментариях, весь интерес убит напрочь, че толку-то? А этот, 21-й, новый, никто еще здесь не отмечался.

– Что никто – я не сомневаюсь, на профиль к автору выходил? Чем занимается, какой рейтинг? – Сашка нетерпеливо поглядывает туда, где я заметил белое в темно-зеленом.

– Н-нет, да откуда я мог знать!

– Ты никогда не знаешь! – вдруг огрызнулась Юла и отвернулась от меня.

– Ладно, не злись. Он ни при чем, даже весело, – еще что-то он там болтает ей, пока мы с Кирой тащимся за ними.

Молчание рядом удивляет меня и злит, я прибавляю ходу. Пусть себе, хоть не поет.

Около дороги лежит постель. Белая. Подушка, простынь, огромное одеяло откинута. Как раз у знака «хода нет». Рядом транзистор, шипит без толку. Чей-то приют на обочине. Устроено аккуратно и с комфортом. Из кустов свешивается ночник, у изголовья толстая книга, загнутый угол страницы. Нужен не один час, чтобы убедиться в здравии своего рас-судка.

– Яблоко... – впервые здесь слышу Кирилла, голос сип-лый.

На крышке приемника под лампой греется желтое яблоко. Сбоку надкушено. Страх разрастается внутри, как черниль-ное пятно в воде. Длинными, мохнатыми нитями.

– Эй, глянь, похоже на путевой лист, – Санек вертит пе-редо мной исписанную бумажку, рябит в глазах.

– Что там, что? – пытается выхватить, но куда там, Юла на голову ниже его.

– Идем, – махнул рукой и, скомкав, затолкал листок в кар-ман, – ждем проводника.

Начинаю злиться. Взгляд падает на гирлянду из созрев-ших каштанов. Тянется параллельно фонарям. Считаю их и сбиваюсь. Волной меня накрывает странная легкость.

Похоже на расписание автобусов, если под именами вро-де Бертрама и Клариссы подразумевать «Мерседес» десято-

го маршрута. Мелкий смешной почерк, с завитушками. Понятный, но сосредоточится трудно, будто перед глазами подергивается легкая дымка. Секунда – кажется, что лист абсолютно белый, другая – опять ровные строчки.

– Давай, – Сашкина рука тянется к находке.

Ветер еле дышит, деревья шепчутся, может, беспокоятся от нашего присутствия.

– Это почему? Маршрут у меня, пусть и он тоже.

– Да, и много толку было от тебя? Завел неизвестно куда, и навигатор, поди, в рюкзаке оставил, да?

– Ты первый полез, первый же! Давайте, посмотрим и сразу вернемся, – передразниваю его, а словно сам дурак, – до штолен я вас довел, и внутри, не надо было отклоняться...

– Оставил! – утвердительно качает головой, – у тебя все затеи такие, – ухмыляется.

– Какая разница, здесь ничего бы не сработало, моим со-
товым можно спокойно гвозди вколачивать, – рассеянно замечает Кира, сидит с краю и едва достает носками до тротуара, скамейка для великанов, – хуже, что у сигарет вкус какой-то странный, – щелчком отбрасывает окурок в чашу. Первый след, оставленный нами здесь, смешно. Когда он успевает? – блин, как формалина надышаться!

– Фу, – Юла дернула плечами, – Дэн, отдай Саше, – невыразительно, словно походя замечает.

Туман перед глазами начинает колебаться сильнее, но я уже протягиваю листок Саньку и, вскочив со скамьи, отхожу

в сторону, чтоб не встретиться сейчас ни с кем взглядом. Как будто меня только что беззастенчиво ограбили.

– А часы ходят?

– Вон те – ходят, – слышу мерное постукивание, которое не замечал прежде, – хм, у нас пять минут до прибытия Альберта, и направляется он к дому Мастерового через Мышиные горы, время движения – четыре часа, – доложил Санек. Они с Юлькой внимательно изучают таблицу.

– Дэн?

– Че? Опять кто-то ползает? – поворачиваюсь к Кириллу и, не удержавшись, расплываюсь в улыбке.

По зеленоватому в желтом свете деревянному подлокотнику медленно ползет улитка, тяжело волоча на себе синий панцирь с кулак размером. Если приглядеться, попадаются и другие, но намного меньше и шустрее, одна даже вскарабкалась Кириллу на колено. Нисколько не отвлекаются нашим шумом, а вокруг словно мыльные пузыри – крохотные капельки воды в воздухе. Я открыл рот и попытался поймать несколько, разразившись хохотом.

– Апельсиновые! – удалось выговорить после очередной попытки.

Кирилл уже наловчился набирать их полный рот. Слезы застилают глаза от смеха. Размазываю их рукой. Делаю вид, что не замечаю удивленный взгляд. Сашка и Юла смотрят на нас как на сумасшедших. Улитки пересекли экватор спинки и исчезли с другой стороны скамьи, прихватив с собой апель-

синовые пузырьки. Шествие закончилось. Я залез на скамейку и протер глаза, теперь мы с Кирой словно заговорщики, смотреть на него не могу, чтобы не приснуть снова.

Юла стучит пальцами по сидению, и этот звук накладывается на тиканье часов, свисающих перед нами из кроны каштанов на противоположной стороне дороги. Круглые, с арабскими цифрами и кольцом для цепочки. Такие были у моего деда, только потемневшие от времени и в несколько раз меньше.

Не могу представить других людей здесь. Воображение настолько захвачено окружающим миром, что додумывать или добавлять что-то нисколько не хочется и не получится. Один вид скамейки, массивные ноги которой так увиты бурьяном, что кажется, будто она вырастает из земли и пускает невидимые корни вглубь, ловит мой разум на крючок. Я мог бы долго разглядывать ее и молчать.

Звон раздается такой оглушительный, что я скатываюсь с сидения, а Кира закрывает уши, согнувшись, словно ему плохо.

– Ничего себе, – Сашка подозрительно смотрит на часы, ожидая, наверное, еще одной пакости, но те смолкают внезапно, как и заголосили, – Денис, я уже... – он не успевает договорить, слышится рев мотора.

К нам несется, ослепляя фарами, машина. При виде ее, мне хочется присоединиться к улиткам.

Несколько минут стоим, не шевелясь, в тишине. Вдруг он

бросится?

Напротив нас, приглушив свет, гудит мотором Альберт. Я не могу назвать его машиной. Длинный, немного напоминает «мустанг», с острым носом, двумя рядами внушительных зубов и, должно быть при дневном свете, ярко красный. Часы непринужденно отбивают время, сняв с себя всякую ответственность.

Альберт подъезжает немного ближе и разворачивается. Ни пассажиров, ни водителя. Я зачарован его челюстью, хочется дотронуться и, одновременно, бежать прочь.

Внезапно он срывается с места и бросается за Кириллом, только тот решил отступить шага на два. Через мгновение они оба исчезают в кустах.

Время разрывается намного чаще, чем замечаешь. Минуту назад я еще стою на станции, а сейчас в нескольких метрах от Кирилла наблюдаю, как он гладит зверя по металлическому носу. Альберт, похоже, что-то жует. То ли от звука, с которым он перемальвает пищу, напоминающего сухой скрип, то ли оглушенный криками Юльки, я еле держусь на ногах. Сказать ничего не могу, горло сдавило. К лицу прикасается ветер, прохладный и пряный от неизвестных мне ночных цветов. Сдувает с меня жар лихорадки. А по руке, за которую держится Юла, тихо поднимается к сердцу совсем другое, спокойное и тяжелое тепло.

– Блин! Чем ты кормишь эту тварь? – Санек хрипит, слова больше угадываю.

– Яблоком, ну там, на транзисторе было, – отмахивается Кирилл и встает, – хороший Берт, – в сумерках рядом с Проводником он кажется ростом еще ниже, чем есть. Худой и ссутулившийся. Не мальчик – тень от мальчика.

– Ты спер яблоко?

Он только рассеянно кивнул.

– Кирилл, а вдруг это не понравится хозяину, там ведь кто-то был, просто отошел на время, – заметила Юла.

– Ну нам повезло, значит, что мы его не дождались! Что делать будем? Я в эту зверюгу не сяду, – в ответ Альберт рычит и светом фары выхватывает Сашку из темноты.

– Ладно, другого-то нет, хочешь подождать Клариссу? Надеешься, она симпатичнее? – набравшись храбрости, подходит к брату и осторожно прикасается к Берту.

– Хотя бы... Пошли, Дэн, одной не миновать... А ты запомни, сожрать меня захочешь – отравишься, точно тебе говорю!

По бокам перепончатые подкрылки, на багажнике пригоршня разноцветных улиток. Садимся с Саньком назад, Юла устраивается за руль. Ремней безопасности нет, сидения так ладно обнимают тебя, что вылезти из них будет сложно. Альберт сам закрывает двери. Чувство опасности тает, или временно отступает. Внутри все замирает от мысли, с какой скоростью этот зверь может ехать. Замирает от предвкушения радости.

Улица обрывается резко, без знаков и поворотов, вместе с каштановой аллеей. Лес переходит в горы, а мы ныряем в густые заросли травы, темные волны которой шелестят снаружи. У Альберта странные окна, только лобовое открытое и большое, по бокам они скорее напоминают прорези, глаза. Но я и так вижу, что деревья совсем исчезли, по обе стороны высятся серые в звездном свете горы, все в выщерблинах. Мышиные горы. В норах? Как будто сыростью тянет из этих крохотных дыр. Правда, в Берте ездить уютно. Иногда он рычит, завязая в бурьяне, и тогда немного плывет голова. Он живой. Юла не замолкает, повторяя:

– Смотри сюда, смотри туда, ой, а это похоже на...

Управлять ей не приходится. Альберт все делает сам. Сашка пытается шутить, но, мне кажется, перестает понимать смысл слов. Чувство такое, будто он не в себе. Мы по разные стороны стены, но сейчас она тоньше. Хочу сказать что-нибудь, лишь бы он перестал кривиться и ерзать, бояться. Ничего не нахожу. И от этого начинаю дергаться сам.

– Небо огромное, раньше никогда такого не видел, – Кирилл роется в карманах. Есть там еще что-то, кроме яблочного аромата?

– Прямо, не видел, летом на берегу – вот тебе и небо.

– Не знаю, оно другое...

– Конечно, блин! Е-мое! Я язык прикусил! Дерьмо, – потирает рот ладонью.

Здесь, в траве, Альберт не едет, а скорее – бежит, прова-

ливаются в яму и выпрыгивают из нее. Тогда на нас обрушивается черное-черное небо в миллионах звезд. Как будто оно очень тяжелое, вдавливают в сидение, не двинуться, можно только смотреть на него и замирать сердцем. Следом еще одна яма. Радуюсь, освобожденный от холодных звезд-глаз, и одновременно жду, когда увижу их снова.

Горы везде, им нет конца. Не хочу смотреть на них больше и неизвестно, долго ли еще мы проведем в долине мышей. словно Альберт прищиплен к этой земле булавкой. В этой проклятой траве не двигаемся на самом деле, просто ее ветром колышет, а мы тщетно пытаемся сорваться и прыгаем на месте. Берт прыгает. Мы – тени, которым снится, что они были людьми. Ненавижу. Это не небосвод – фальшивка, можно лезть и лезть вверх и, в конце концов, проткнуть его пальцем, как бумагу. Как Трумэн победил море¹. А звезды наклеены, из фольги. Свет – не знаю, свет сам по себе.

– Слышите? Заткнитесь! – Кирилл опять шепчет.

– Что?

– Заткнись!

– Да скажи ты, в чем дело!

– Саш, помолчи, что-то происходит.

– Дэн? Пригнись! Денис! Денис!

Сашкин голос издалека. Откуда-то послышался свист и набрал такую силу, что заложило уши. Противно, кожа стала гусиной. Поворачиваюсь к окну и не понимаю, в чем дело.

¹ Речь идет о фильме «Шоу Трумэна»

Какое-то черное пятно растет снаружи, у него вспыхивают красные огоньки. Глаза? Стекло будто взрывается и оседает пылью у меня на коленях. Все еще не понимаю, но стараюсь удержать что-то большое и мохнатое. Вырывается, когтей не вижу, а по щеке и шее бегут теплые тоненькие струйки. Не чувствую пальцев. Только боль. Внезапно тварь исчезла. Руки дрожат, дотрагиваюсь до расцарапанного горла, перед глазами зажигаются огненные круги. Блекнут. Чернота.

– Дэн, помоги, давай, че ты, спать собрался! – смех, Сашка смеется.

– Нет, – оправдываюсь, хватаю той рукой, которую чувствую, мышь за туловище. Бьет крылом по глазам, где-то внутри меня поднимаются горячие волны. Что-то хрустнуло. С омерзением я выбрасываю дохлую мышь в окно и успеваю заметить – кругом все потемнело от них. Ни неба, ни гор, ни травы. Только хлопающая крыльями и клацающая зубами ночь. Стоит визг. В следующее мгновение Альберт затягивает дыру, и окно исчезает, я сижу перед глухой дверцей. Он несется быстрее. А в тишине, воцарившейся в машине, чересчур хорошо слышно, как эти твари бросаются на него, царапают. Глухие удары все чаще. Мышиные горы. Не было ли другой дороги?

– Берт их жрет! – вскрикивает Кира, – хороший, хороший, – гладит рукой приборную панель, – значит, он не только яблоки любит.

Поборов дурноту, пододвигаюсь ближе и замечаю в лобовом окне, как равномерно раскрывается его зубастый рот и с треском перемалывает добычу, расчищая таким образом дорогу.

– Может, тут аптечка есть, или хотя бы бинт, – Юла, отвернувшись от ужасного зрелища, начинает обыскивать Проводника.

– Не мешай ему, – замечает Санек.

– Чего?

– Ну вдруг ты его побеспокоишь... – еще тише и почему-то улыбаясь.

– Дурак! Вы ж в крови!

– Брось, не страшно, царапины, давай потом разберемся с ними, – злобный взгляд всегда мне, только мне.

– Ни фиги себе, да? – от Сашкиной ухмылки я в замешательстве, но отвечаю тем же.

– Да! – вслух соглашается с собой и со всей силы хлопает меня по плечу. Опять красные круги, много-много. Я медленно проваливаюсь во что-то мягкое. Мне спокойно. Слова не были найдены, но мы пришли к двери в стене и открыли ее одновременно. Как глубоко я упаду? Но так хорошо, не чувствую тела совсем.

– Нашла бинт?

– Отстань! – шуршит бумага, – записи какие-то, все истертые, по-моему, кофе заляпаны и жиром.

– Че пишут?

– Ничего! Тут иероглифы. Заметки какие-то на полях. Десять страниц.

– Выкинь в окно.

– Это еще почему?

– Ты знаешь китайский?

Голоса растворяются, будто доносятся со всех сторон сразу, и умирают. Я падаю в тишину. И в небо, огромное чужое небо, такое же безучастное ко всему, как и наше. Никогда не долезть до него.

Ветер то и дело меняет направление. Бросается сзади и через мгновение ударяет в лицо. Наполняет все кругом и, кажется, пролетает сквозь бледные в сумерках мышинные горы. Свист обрывается, падает в траву, где превращается в шепот. Но я не чувствую обмана, все взаправду. Повторяю вновь и вновь, иногда усиленно проговаривая в уме слоги, чаще – как навязчивую считалку, словно удерживая некий ориентир, чтобы не потеряться совсем, не сойти с ума. Все взаправду.

Иду вперед без цели, просто нравится ощущение, похоже на то, как бывало в детстве – легко. Нет ограничений, нет обязанностей, ничто не тянет голову вниз. Чуть-чуть страшно. Как будто под ковром травы земли нет, и стебли, плотно переплетаясь между собой, уходят в пустоту. Я ступаю осторожно, заплетаясь в мягкой корневой сетке. С каждым шагом ожидаю подвоха, но не думаю, что произойдет нечто

непоправимое, наоборот – словно здесь ничего никогда не случится. Со мной.

Время от времени кто-то путается под ногами, налетает на меня. Из травы доносится возмущенная трескотня, реже – писк или бормотание, но виновник так и не показывается. Лунный свет серебрит листья и мои руки. Некоторые растения похожи на папоротник, другие – на крапиву. Не жжется только.

Вдруг вспоминаю про Альберта, оглядываюсь. Ни души. От страха забываю про все, только найти, догнать бы остальных скорее. Может, они в опасности, а я здесь. Здесь... Ускоряю шаг через силу, тут же для меня исчезает и небо и ветер, остается одно огромное темное поле, которое нужно быстрее пересечь. Снова тяжесть ложится на плечи, вижу только траву. Не хочу, но продолжаю гнать себя дальше. Бегу, готовый сорваться на крик, если провалюсь в ту тьму, из которой растет этот чертов папоротник.

Дыхание сбивается. Словно приходится разрывать невидимые преграды, что-то отбрасывает меня назад. Я несколько не приближаюсь к концу поля, не растут горы, не движется небо. Ускоряю бег.

Рядом мелькает что-то белое. Я отшатываюсь, но в следующий миг признаю Сашку. Двигается в шаге от меня. От природы светлый как глазами, так и цветом волос, кожи, сейчас он бледен и похож на отражение в мутном зеркале. Если бы не ухмылка, вечно требующая его догнать, я бы принял

его за привидение.

С ним рядом по-другому. Будто все свое ты умножил в несколько раз, но теперь необходимо этим делиться. Опять показались звезды, и я опьянел от ветра. Не того, что вился вокруг меня, сильного и прохладного. Сейчас и он изменился, наполнился запахами травы, влажной земли, душистых цветов и соревнования. Голова идет кругом, я бегу так быстро, как не мог даже представить, и слышу собственный смех.

Споткнувшись, еле удержался на ногах. Какое-то насекомое отпрыгнуло на несколько шагов и противно заверещало в зарослях. Где-то рядом еще и еще, шуршат у самой земли и подбираются ближе ко мне. Я пытаюсь восстановить дыхание, ноги как ватные. Хочется сесть, но трескотня усиливается. Кто-то ломает стебли и листья. Мысль, что я должен бояться их, кажется вначале смешной. Страх закрадывается не спеша, по мере продвижения невидимой мне стаи, как будто они несут его с собой, их запах.

Я не успеваю удрать. Секунду они молчат, потом, так же в тишине, бросаются на меня, замечаю только резкие скачки в траве. Внезапно ветер толкает в спину, и что-то черное падает на них, сливается с крапивным морем и хлопает крыльями. Поднимается страшный визг, я вспоминаю о мышках и пускаюсь со всех ног прочь отсюда.

Приходится закрывать руками лицо, десятки черных мохнатых комков летят на охоту, но в заросли они не ныряют, стараются схватить добычу и взлететь вверх. Благодаря то-

му, что трава доходит кое-где мне до плеч, и почти всегда – до пояса, исцарапанными остаются только руки до локтей и шея. Жжет невыносимо.

Заложило уши. Я пригнулся, надеясь скрыться в зарослях. Но и здесь успеваю вдохнуть сочные запахи всего несколько раз. Что-то несется навстречу мне, огромное и рычащее. Я бросаюсь вправо, не разбирая дороги и останавливаюсь только тогда, когда заканчиваются силы. Зверь не обращает на меня внимания. Проскочив мимо, она прыгает в визжащую свору из мышей и их добычи. Белая поджарая кошка, с волка размером. Я выпрямляюсь и оглядываюсь. Повсюду виднеются их напряженные спины, и слышится рев, от которого я покрываюсь потом. Ужин в самом разгаре.

Меня охватывает отчаяние, понимаю, что отсюда не выбраться. Я не смогу перейти это раскинувшееся между горами поле. И было бы хорошо упасть в ту темноту, из которой растет эта проклятая крапива.

Слышу знакомый голос. Кирилл зовет меня. Впереди метрах в ста замечаю его. Кругом творится нечто страшное, трава закипела от борьбы, а воздух звенит криками и рыком так сильно, что дышать невозможно, он не проходит в легкие. Нужно добраться до Киры. Бегу, трава хлещет по рукам, и перед глазами вспыхивают разноцветные огни. Он кричит громче и громче, срываясь на всхлипы. Почему меня? Сумею ли я преодолеть эту сотню метров? Почему он никак не замолчит? Голова раскалывается от боли. Стараюсь не обра-

щать внимание, получая удары и толчки со всех сторон. Пока эти твари не замечают меня.

Разворачиваю Кирилла лицом к себе. Левый глаз припух, губа разбита. Ничего не может сказать, только ревет. Я трясу его, одновременно пытаюсь побороть тошноту. Наконец, Кира поднимает на меня взгляд и говорит, что это Сашка его избил. Лицо перекосилось от обиды и страха, он озирается, как будто из травы вот-вот выпрыгнет Саня и врежет ему еще раз. Спрашиваю, за что, и сам отвечаю – чтоб не брал чужие вещи. Чтоб не брал чужие вещи. Слышу в памяти Сашкин голос. Точно так же, лет пять назад, в деревне, когда Кирилл стащил и разбил его первый сотовый телефон. Чтоб не брал чужие вещи... Все стихло. Темно.

Открываю глаза. Прохладный ночной ветер шелестит в зарослях. Небо тихо-тихо плывет над головой. Я по прежнему в поле, окруженном мышиными горами. Вокруг никого. Или мне снилось все? Мыши, кошки, трескотня под ногами? Шея горит. Глотать больно. Я смотрю на руки, но они целы, ни одной царапины. Что-то мешает. Тянусь к горлу, но тут же замираю. Вдалеке слышно урчание двигателя. Уставший, я бреду навстречу.

То проваливаясь в яму, то подпрыгивая на кочках, бежит белая, усыпанная шипами, машина, хвост завивается улиткой. У нее плавные округлые линии, корпус отражает звездный свет. Это не Альберт. Наверное, Кларисса... Ближе и ближе. Я иду вперед, она отклоняется и проезжает мимо

всего в нескольких шагах. Внутри темно, но в салоне кто-то есть. Пассажир. Кто? Кто? Кого она везет? Через минуту-другую Кларисса исчезает из виду.

Смотрю по сторонам, ищу Берта. Не потому, что там меня ждут они все. Кажется, я был бы рад и ему одному. Не знаю. Боже, как нестерпимо ноет шея! Я протягиваю руку, но снова останавливаюсь. Прямо ко мне идет Юла. Откуда? Горло саднит, понимаю, что не смогу сказать ни слова.

Подходит так близко, что ее волосы щекочут мне лицо. Жжет горло еще сильнее. Я противен себе. Смотрит внимательно, но не говорит ничего. А я хочу, чтобы сказала. Очень хочу, неважно – что. Юла поднимает руку и снимает с моей шеи платок. Я узнаю, это ее. Одновременно в легкие вливается ночная прохлада, и я чувствую освобождение, и утрату, и стыд, что ее платок был так мне ненавистен. Удивительно, но этим движением ей удается не дотронуться до меня даже пальцем. Я стою и не знаю, что чувствую. Похоже, как вдруг потерять самого себя. Она отдаляется, уходит. И я замечаю, что это незнакомая мне девушка, только похожая на Юльку, но совсем другая. Темные, почти черные глубокие глаза много старше, чем у нее, а волосы длиннее и гуще.

Боковым зрением замечаю кого-то рядом. Сашка уставился на меня, не улыбается и не хмурится. Лицо безразличное, жесткое. Он делает два шага вперед, я против воли отшатываюсь. Есть ли в нем опасность для меня? Как долго я задаю себе этот вопрос – есть ли в нем для меня угроза? И почему

не нахожу ответа? Сашка, наконец, отворачивается и убегает. Я – за ним. Снова. Не могу не бежать. Как не могу не дышать или не есть. И чувствую, что мир вокруг нас огромен, как никогда раньше. А еще – что это его мир. Сашкин.

Неожиданно мне на плечо садится сверчок, тот самый, из люка, и тихонько затягивает свою песню, будто нет ничего естественнее. Его слышу только я. Саня не оглядывается. Хорошо, что он его не видит. Во мне крепнет головокружительное предчувствие перемен. Нельзя поделить бесконечно большую величину. Ее можно только подарить, отдать целиком. Или отобрать.

– Бросишь ты, в конце концов, читать рекламу, Сколи? Не то, ей Богу, я выкину газету, и в следующий раз выгоню посыльного в три шеи! Научил грамоте на свою голову! Сколи, я не шучу! Давай новости. Ну и что, что одни и те же? Как будто советы яблочников по ведению хозяйства веселее! – незнакомый голос, такой низкий и сильный, что звенит в ушах, – А ты не сачкуй, тоже помощник нашелся! Как там тебя, работай, не то оставлю без ужина! – еще различаю свист, противный, нарастает и стихает, нарастает и стихает.

– Работа никуда не денется, а пшеничные лепешки свои можете поберечь, – у Сашки веселый, запыхавшийся голос. Опять свист. Мерзко!

– По-моему, он приходит в себя, – я слышу ее шаги, но как далеко она, определить не могу, – Дэн, хватит уже! – над

самым ухом. Я вздрагиваю и открываю глаза.

– Бездельник!

Озираюсь по сторонам, не понимаю, где нахожусь, и что происходит.

Как будто комната, мастерская, но с двумя стенами. Вместо третьей открывается вид на бескрайнее пшеничное поле, вдалеке – редкие деревья и синее, затянутое взбитыми кремовыми облаками, небо. На противоположной стороне, похоже, кладовка, длинный заставленный мебелью и всякой рухлядью коридор, убегающий в темноту. Все разложено по своим местам, в идеальном порядке. Назначение некоторых предметов мне неизвестно. Странно, я чувствую присутствие людей вокруг, но пока не способен их увидеть среди поражающей воображение обстановки.

В одной стене высокая белая дверь с позолоченной замочной скважиной и зарешеченное окно. Весь подоконник завален. Не сумею оторваться. Не буду останавливаться на мелочах. Другая украшена столярными принадлежностями столь замысловатой формы и цветов, что я начинаю ощущать холодок внутри. Так много непривычного для глаза и восприятия. В углу составлены доски, свежие, от них еще идет смоляной дух.

Наконец, комната сужается. Оказывается, я сижу на скамейке, деревянной, с красивой резной спинкой, но очень уж жесткой. Чувствую, как ноют кости. У изголовья растет огромный дуб, крона уходит в потолок и куда-то еще вы-

ше. Через щели свешиваются листья, лампочка под оранжевым абажуром потушена. Свет идет с пшеничных полей. Рядом печка и небольшой столик без миллиметра свободного места. Кружки, баночки, блюдца, чайник, сахарница, ложки свалены в одну кучу.

Снова появляются звуки. Теперь их намного больше. Уже привычный свист ручной пилы и теплый ветер. Близится вечер. Небо наливается золотом и медью.

В центре комнаты большой рабочий стол, где, среди гаек, гвоздей и ключей, копошится зверек. Мордочка морской свинки, а ростом с домашнего кота. И пять пар крошечных лапок, которыми он топчет уже изрядно помятую газету.

– Чего замолчал? – доносится сзади. В ту же минуту Сколи начинает тихо посвистывать и шелкать, уткнув нос в мелкие строчки.

– Эх, говорят, опять игру затеяли... Все этот сумасшедший, что пьянствует у обрыва! Никакой жизни от него, одни пакости! – вздрагиваю, голос удаляется от меня, – все от того, что сладить с ним некому! Нашелся бы кто – я бы и сам помог. А им всегда одно и тоже нужно – королевский ключ, до другого дела нет! Бездельники! Все игрушки, маленькие... – серые ясные глаза сверлят меня, а рыжая борода дергается, в ней прячется смех. Дыхание перехватило.

Таких огромных людей я прежде не встречал. Головой он едва не достает потолка. Но вроде бы не страшен. Он словно продолжение этой комнаты, только живое. Подошел, вытер

руки о замасленный фартук.

– Ну что тут? – ладонь тяжелая и горячая, будто мне на лоб положили утюг, – нормально с ним все, – резко треплет меня за плечо, но чувствую, что силу сдерживает, – ох, женское дело, ну везде ведь, – сдергивает что-то.

Юлькин платок. Голова пошла кругом. Странно, словно это уже было.

– Давайте, еще пару часов. Надо закончить столовую мебель сегодня, – повернулся к Саньку и хитро поглядывает на него из под густых бровей. У Сашки майка потемнела от пота, – слышал? Пойдем!

Они снова берутся за пилу. Саня улыбается мне, точно что-то задумал.

– Надо промыть еще раз, – Юла осторожно ставит на скамейку чашку с водой, наливает туда что-то из кувшина и смачивает платок, – хорошо тебе досталось. Вон, сколько крови, – кивает головой. Смотрю, футболка вся в темных пятнах, – у мастера Тома чего тут только нет. Затянулось быстро, – бережно протирает рану, но выходит неуклюже. Больно, и хочется, чтобы она это прекратила, – не как у нас, там, – замолкает.

Я терплю. Думаю, как странно она сказала «у нас, там». Мне не нравится ощущение принадлежности к чему бы то ни было. Начинает разбирать досада. Есть просто «там» и просто «я». Отдельно. И мы, как правило, ведем скрытую войну друг с другом. Неужели она не понимает таких простых

вещей? Наверное, глупость сказала, и все. Врать она не врет никогда, а такое вот частенько случается.

– Долго я...

– Нет, мы рано утром приехали. Сейчас пять доходит, вечер... – у нее что, волосы за это время длиннее стали? Точно, теперь ниже плеч почти на три пальца, и темнее.

– Это конечный пункт для Альберта?

– Ну вроде как, он может с нами поехать, если захотим. Он, оказывается, не числится рейсовым на станции, он же Проводник. У них нет четко зафиксированного маршрута.

– Отсюда две дороги: или к яблочникам через лес, или обратно в Мышиные горы, – резко отвечает мастер, – так что выбор у вас небольшой. И поторопитесь, времени выхаживать вас и кормить у меня нет! – ворчит себе под нос, а сам за мной присматривает.

– Слушай, а Кирилл где? И что там у вас было про китайский? – последний вопрос ей явно не по душе, резко дернула рукой и царапнула ногтем шею. Сдерживаюсь еле-еле, закончила бы она побыстрее! – может, не надо? Вроде все хорошо, – отстраняю ее.

– Да пожалуйста! Вон Кира, с Бертом возится! – выплеснула воду под дерево и ушла.

Слышу, как Сашка посмеивается. Визг пилы сводит меня с ума. Прислушиваюсь к стуку часов в стволе дуба, чтобы не замечать остальные звуки. Такие же, что были на станции, только меньше. «Dream fiction inc.» Не помню, были ли

там слова. Похоже на логотип какой-то компании: лист и три звездочки. Мило, но мне почему-то неприятно. Что-то отталкивающее есть в этих буквах и звездах. Они не на своем месте.

– Дэн, смотри, здорово? – Кира натирает Альберта до блеска. Он ярко красный, я был прав. Урчит и как будто смотрит по сторонам, – жалко, он ни лепешки, ни мед не ест, голодный остался.

– Ничего, поедете в лес – там он не пропадет, всяко водится, – мастер откладывает в сторону тяжелую доску.

– Не знаешь, чего Санек так заработался, а? Нормально, все нормально, – отмахиваюсь от вопросительного взгляда Кирилла. Юла с другой стороны протирает стекло, в мою сторону даже не смотрит, за то, кажется, Сашка не сводит с нас глаз.

– Да он помешался на этом ключе! Мастер Томалтаг говорит, если мы поедем к яблочникам, то там можно найти одного старика, который много чего знает и про игру, и про тайник. Ну вот, он упросил его, чтобы подсказал, как с тем стариком познакомиться. Оказывается, это его старый приятель. И мастер сказал Сашке, что, если он поможет ему до ночи закончить королевский заказ, напишет тому записку, чтобы принял его. Дэн, по-моему, он не собирается делиться....

– Увидим, – обхожу Альберта. Рукой дотрагиваюсь до багажника, вдруг чувствую пустоту под ладонью. Падаю. Не

понимаю, что происходит, вокруг темно и душно. Я пытаюсь распрямить ноги, двигаться. Ничего не выходит. Накатывает злость, а за ней – страх. Появляется мысль, что я ничего не знаю про Альберта, почти ничего. Может, он и багажником умеет поймать себе обед. Что-то холодное и липкое пристало к руке. Противно. Снаружи Кира и Юлька кричат что-то неразборчивое.

– Альберт, выпусти щас же! – странно угрожать тому, кто тебя сцапал, но, наверное, прозвучало убедительно. Темнота разрывается, и на меня льется свет, свежий воздух и беспоконные голоса.

Я сижу на земле, пытаюсь отдышаться. Надо быстрее встать, от их суматохи мне становится не по себе.

– В порядке, – останавливаю Юлу, – перестань пожалуйста, – щеки горят, а она пытается посмотреть мне в лицо. Уже готов к новому потоку слов, но вместо этого Юлька обнимает меня за шею. Аккуратно, я не чувствую боли.

– Страшно за тебя стало, – все таки умудрилась поймать мой растерянный и взбешенный взгляд, но больше ничего не сказала.

– Дэн, опять они, – Кира заливается смехом. Я делаю шаг к нему, он только указывает на мои руки. И точно, по предплечью неторопливо ползет улитка, и на ладони еще две. Я заглядываю в раскрытый багажник, там их с десяток, не меньше, и на дне затертая металлическая табличка «dream fiction inc.». Мне это совсем не нравится.

Замахиваюсь, так хочется врезать Альберту. Правда, совсем не уверен, кому из нас придется хуже от этого. Взгляд скользит по корпусу, и как не заметил раньше? Он весь в царапинах и вмятинах от мышиных когтей. Злость схлынула как волна.

– И чего это ты? – только и смог я сказать, уходя подальше от Берга.

– А вы не слышали новость, рассказывают у нас воришки появились? – заговорил мастер Том, как ни в чем не бывало, – представляете, часа за три до вашего приезда побывал тут зритель со станции. Такой расстроенный, ужас! Кто-то украл его последнее миндальное яблоко, а бегать-то за ними приходится не близко, да и отлучаться ему нельзя. Безобразие творится! Точно, какие-то бездельники! – пила свистит мерно, как ход часов, – а у них свои пути, у Смотрителя и еще кое у кого, – предупреждая наш вопрос продолжает Томалтаг.

– Неплохо бы и нам этим путем, – Кира вздыхает и снова берется за тряпки чистить Альберта.

Все это время я уверен, что Санек ни на секунду не выпустил нас из виду, почти чувствую его улыбку, но тут, наконец, встречаю его взгляд. Растерянный и чудовищно уставший. Лицо у Сашки осунулось, футболку можно выжимать от пота.

– Работай, не отвлекайся!

Похоже, он только-только поднял глаза от пилы и бревна.

Сколи закончил с новостями и, засеменив лапками, старательно переворачивает страницу. Никто кроме мастера не понимает его речь.

– Он кто такой вообще?

– Почему ты меня спрашиваешь, – смеется сдавленно, чтобы не разбудить остальных, – это была твоя идея.

– А полезть хрен знает куда, по-моему – твоя!

– Правда что ли?

Как только над полем наступила ночь, кругом стало темно хоть глаз выколи. Лампочка под потолком дает совсем немного света, только на рабочий стол, где Сколи свернулся калачиком. И кладовка, и сама мастерская будто растаяли. Мы постелили в поле, как раз за порогом. Пахнет так приятно, хочется спать, но глупо на это тратить время.

– С ним не договоришься. Себе на уме, что захочет – скажет, – наконец отзывается Сашка.

– А почему он с нами не ужинал?

– У тебя возраст почемучки вернулся? Задолбал, спи уже!

– Нет.

Опять смеется в подушку.

– Ты видел, куда он делся?

– Вышел в дверь.

– А за ней что?

– Блин... Иди проверь!

– Мне кажется, он хороший, – молчание, – нормальный, – тишина, – то есть не опасен, что ли...

– Ты правда так думаешь?

– Нет.

Смех прорывается наружу.

– Пошли посмотрим, а?

– Куда?

– Ну где он, и что делает.

Возня минуты две.

– А пошли!

Совсем без шума пробраться нам не удастся, я налетел на кувшин с водой. Дверь еще больше, чем я предполагал. Даже для мастера Тома. Я дотрагиваюсь до поблескивающей ручки и медленно толкаю вперед.

– Елки, ты фильмов насмотрелся, сейчас она заскрипит еще! – буркнул Сашка.

В следующее мгновение он оказывается рядом и одним сильным рывком открывает дверь, абсолютно тихо.

Прямо от порога начинается поле, на горизонте – Мышинные горы. Чувствую, как холодеют пальцы. Ветер вталкивает нас туда, слышны визг и кошачий рев. Хочу закричать, чтобы Сашка быстрее захлопнул дверь, но голос не слушается. Санька рядом, не отпускает ручку, но и не шевелится.

– Вон, видишь тень? Да куда ты смотришь!

Я оглядываюсь. Над кромкой травы видна темная фигура, тучная как гора. Она разгребает лапами листья и словно плывет, время от времени до нас долетает приглушенный низкий рык. Прежде я его не слышал. Вдруг тень схватила

пролетавшую рядом мышь и разодрала пополам, тут же принявшись уплетать ее.

– Пошли, – дергаю дверь на себя, но Сашка держит.

– Подожди, я хочу понять, что это еще такое. После чертовых кошек я думал, все.

– Я тоже.

– Ты? Ты же вырубился?

Тень, продолжая время от времени ловить заполонивших все кругом мышей, вышла на узкую дорожку, куда падает лунный свет, и повернулась. Я закричал. Оскалившаяся медвежья пасть, обращенная к нам. Я и представить не мог таких клыков. Вряд ли можно чем-то убить этого зверя.

Он рычит и направляется к двери, медленно, как позволяет грузное тело. Внезапно я понимаю, что ему как раз она будет впору, и по высоте и по ширине, все складывается мгновенно.

– Бежим! – но это лишнее. Сашка уже впереди, а я снова его догоняю.

Хорошо Альберт не нуждается в сне, только почуяв нас, он зажигает фары и, получив команду от Санька, тут же заводится. Несколько бесконечных минут приходится тратить на то, чтобы загрузить полусонную Юльку и затолкать Кирилла в салон. Берт срывается с места, и мы снова в поле. Пшеничном. Комната уменьшается, но некоторое время мы еще слышим рев мастера Тома.

– Думаете, он бы и нас? – Юла не верит.

– Нет, вряд ли, но проверить не хочу.

– Жаль, так я и не добился от него записки. Что теперь в деревне делать?

– У тебя больше проблем нет, – шипит Кира.

– Конечно, нет, даром что ли я весь день вкалывал как проклятый! – Санька ругается на чем свет стоит.

Мы мчимся вперед. Показался лес, и Берт прибавил скорости. Наверное, голоден. Они снова о чем-то спорят. Меня мучает предчувствие – что-то плохое рядом, очень близко. Не среди созревших колосьев и не в надвигающемся лесу. Где-то в полушаге от этой реальности, за тонкой гранью «здесь» от «там». И его очень много. А грань стеклянная, и оно дышит, рисуя ужасные узоры на ней, но пока не имеет силы к нам ворваться.

Кажется, его перепуганная трескотня напоминает смех, но на самом деле улыбаюсь только я. От одного вида сосредоточенного и безглагового Сашкиного лица, застывшего, чтобы перерасти в гримасу торжества в тот миг, когда ему удастся, наконец, прибить мечущегося по салону сверчка, начинает разбирать хохот. Возня стоит такая, словно к нам посадили пару – тройку слонов и они пытаются устроиться с комфортом. Всего-то на всего один неугомонный крохотный пассажир, выпрыгнувший из бардачка. Не понимаю, как он там очутился. Может быть, пробрался туда из моего сна.

Вдруг я вижу, как он взлетает, на секунду расправив про-

зрачные крылья, и садится мне на руку. Станный, словно из золота – так переливается в полуденных лучах его спинка. Хочется рассмотреть поближе, я подношу руку к лицу. И крики, и Сашкина ругань сразу же перестают существовать. Он уставился на меня? Черные бусинки глаз. Если смотреть внимательно, они вырастают в большие и умные, где, наверное, должна бы отражаться моя глупая ухмылка и кусок голубого неба в окне. Похоже, суета вокруг перестала его беспокоить. Замолчал.

Время резко сдвинулось, не было никакого перехода. Что будет, если так перемещаться постоянно? Сначала боль появилась в руке, потом голову обдало жаром, и клацнули зубы. Забавно, инстинктивные движения совершенно невозможно зафиксировать, отметить сознанием. Сразу наступает «после». Какое-то мгновение мне запомнилось – похоже на драку в темноте, только солнечный свет, пронизывающий душный салон Альберта, выхватывает отдельные фрагменты – сместившуюся крышу, по которой неторопливо ползут две синие-зеленые улитки, Санина татуировка на запястье пролетевшая рядом с моим носом, вижу каждый знак удивительно четко, моя нога – как она могла там оказаться? Берг опустил стекла, внутрь врывается горячий ветер, а наши голоса уносятся наружу, в лес. Я зажмурился, что-то вспыхнуло и исчезло. Кажется, наш попутчик вовремя смылся.

Этот миг растаял.

Дышу тяжело, но воздух такой вкусный, что им ни за что

не наестся.

– На хрена ты его выпустил, эта тварь еще в штольнях нам нагадила! – торжества не случилось, Сашка зол, и кто-то, может даже я, хорошо ему съездил.

– Чего ты привязался, это всего лишь сверчок!

– Тогда нечего было в люке визжать – ой, по мне кто-то ползет, ай-ай, спасите! – ну и противный у него тон иногда.

– Саш, ты не мог бы в другой раз аккуратнее? – Юла трет покрасневшее плечо, а я испытываю неопишемую радость, что в этот раз такой взгляд достался ему, а не мне.

– Это что, я, что ли? Меня даже близко не было! Да Денис, наверное, – отодвигается в сторону, – он же вообще ниче не соображал!

– Ты сам начал! – сказать хочу намного больше, но слова перемешиваются, и получаются одни нечленораздельные звуки.

– Я сверчка хотел пришлепнуть!

– Не знаю, чего ты хотел, заехал мне неслабо, а теперь сказки рассказываешь! – чувство такое, словно я все это за-теял.

– В другой раз Кирилл сядет назад, а ты, Саша, вместо него. Если не можете спокойно находиться рядом.

Изумление переросло в глухую обиду, я отворачиваюсь и закрываю глаза. Стараюсь представить, что нахожусь где-то в другом месте, кругом только теплый ветер. Солнечные лучи падают на кожу, жарко. Наконец, мне удается уйти от них, я

еще не знаю – куда. Становится тихо, медленно появляются краски, и в темноте проступают знакомые черты.

– Тебе не кажется, что ты зарабатываешь неприятности не только себе, но и нам. Кира, зачем ты стащил у мастера газету?

– Может, выкинем, и все. Откуда он узнает, что это мы взяли?

– Очень умно, Саш, а кто еще мог?

– Тут все на английском, а в конце несколько страниц – блин, не знаю...

– Дай сюда!

– Эй, верни щас же, я еще не досмотрел!

– Картинки потом посмотришь. Юль, похоже на арабский, черте что! Мусор! – хруст смятой бумаги.

– Отдай мне, по-твоему, все – мусор, что нельзя съесть или кому-нибудь продать.

– Кстати, неплохо бы позавтракать, Кир, спорю, еды ты не прихватил! – возня и глухой стук.

– Отвали! Да отстань! Юль, че он роется в моих карманах!

– Долго Денис будет еще злиться?

– Велика проблема! – толкает меня в бок, – слушай, если мы так тебе мешаем, можешь выйти и топай пешком до деревни, а? – смеется.

– Сам топай.

– Ну вот, видишь, Юль, мы уже разговариваем! – Боже,

как хочется врезать ему, со всей дури.

– Знаете, похоже на то, что мы нашли в бардачке, сейчас достану... Вот, ну да.

– Че да? Там китайский – тут арабский, сильно похоже, правда? – Сашка устроился почти на все сидение. Чувствую, как кровь приливает в голову.

– Сама знаю. Ты никогда не смотрел инструкции, допустим, к телефону, телевизору? Там, помнишь, сначала идет статья на языке производителя, потом – точно такая же – на нескольких, куда экспортируют продукцию. Они по внешнему виду-то одинаковые, понимаешь? Расположение текста, количество блоков, заголовков, видно же сразу! – показывает нам два листка, один помятый, с иероглифами, другой – аккуратно сложенный, испещренный арабской вязью, – ну?

– Не знаю, и что дальше?

– А вообще похоже, точно, – кладу оба себе на колени, – блин, надо же! – Юла кивает головой.

– Там не написано, где можно еду раздобыть? – разворачивается ко мне, и мы оба разглядываем текст так, словно знаем языки с детства.

– Есть охота... – вздыхает Кирилл.

– Смотри, – тычу пальцем в строчку, – я тоже самое видел, сначала на часах – ну те, в мастерской, потом – у Берта в багажнике есть эта надпись.

– Серьезно?

– А что там?

– Похоже на логотип какой-то, «dream fiction inc.»

– Я тоже видел, там еще три звездочки и листик, да?

– Где? – не люблю это, но часто мы с Саней действуем и говорим как близнецы.

– На станции, на подлокотнике той скамейки... А мы не остановимся?

– Зачем, Кирилл, ты же не один голодный?

– Ясно дело, не один, но в лесу, наверное, можно что-то раздобыть... Берт тормози! – хлопнул ладонью по панели, и Альберт тут же встал как вкопанный, – Юль, он тоже хочет есть.

– Знаю, – как-то странно она смотрит в окно, словно никого из нас нет рядом.

– Ну пошли, по мухоморам! – Сашка уже вылез.

– Вдруг они здесь съедобные, а, Дэн?

– Точно, апельсиновые, – неожиданно для себя смеюсь вслед за Кириллом.

Лес огромен и очень стар. Некоторые деревья не обхватить за ствол и вдвоем. А вверх смотреть опасно – только поднимешь глаза, сразу голова закружится от этой высоты. Дорога тянется тонкой петляющей нитью как раз там, где заросли реже, и солнце щедро заливает выгоревшую землю. В нескольких шагах по обе стороны непроходимая чаща, душ-ные сумерки и шорох, доносящийся одновременно из крон деревьев и из мягкой подстилки. Жаль только, вряд ли удаст-

ся кого-нибудь поймать.

– Эй, ребята, далеко не заходите, где вас потом искать! Мы с Альбертом немного погоняем, он почувствовал пищу, выходите на дорогу! – голос Юлы дальше и дальше.

– Блин, ну точно как мамочка! Кир, как ты выдержи- ваешь? – Сашка продирается сквозь молодую колючую по- росль и ворчит себе под нос.

Кирилл уже что-то жует, набрал полные ладони крупных фиолетовых ягод и уминает во всю.

– Где взял?

– Под ногами, только надо траву раздвинуть, они у самой земли. А вкусно, сладкие! Не знаю, что за вкус, немного – малина, но... сладкие! – побрел в сторону, то и дело нагиба- ясь за очередной пригоршней.

Через минуту я уж не вижу ни его, ни Сашку. Тихо, на- тянутая между деревьями паутина звенит от прикоснове- ния ветра. Где-то стучит дрозд, слышны резкие птичьи кри- ки вдалеке. Я сел. Легко отыскал Кирины ягоды, их пол- ным полно. Чуть шероховатые, катаю одну пальцами, но есть ее не хочется. Раздавил, запах пряный, как удар по голове. Сколько же он их умнет? Не буду думать об этом, ну его. Ста- раюсь оттолкнуть привычное беспокойство – а что, если они ядовиты, или если от них расстроится желудок, или вдруг он станет сам фиолетовым, или превратится в козла...? Нет, для этого нужно, по-моему, напиться из какой-то лужи. До сих пор все было нормально. Сразу за этой мыслью страх

начинает выпускать когти. Дрозд где-то рядом. Запрокидываю голову. Единственный проскользнувший через листву луч падает мне на лицо, приходится щуриться, но все равно приятно. Нет никакого страха, показалось.

Надо раздобыть еду, а я слоняюсь, не глядя под ноги. Лес смыкается вокруг меня, запах земли щекочет ноздри. Птиц больше не слышно. Что-то мелькнуло за деревьями. Кира. Он замер над поваленным вязом и, кажется, не дышит. С каждым шагом ствол дерева растет, расколотый пополам и обожженный. Я удивляюсь, какой он огромный, Кириллу по плечо.

– Что увидел? – но в ответе нет нужды.

Теперь мы вдвоем окаменели. Щель с обугленными краями напоминает глубокий порез, но внимание притягивает другое. По все длине ее, полностью скрывая омертвевшую древесину, колышется синее поблескивающее пластинками море жуков, чуть меньше ногтя каждый. Всех не перечесть. Занятые своим делом, они не замечают нас, то вскарабкиваясь, то слезая друг с друга. Чувствую, как по коже бегают мурашки, но не отворачиваюсь от этого зрелища. Еще минуточку постою – ничего не случится. Никто из них не собирается ползти в нашу сторону.

– Кир, пойдем, – тяну его за локоть, не отвечает.

Ладно, пусть, если ему нравится. Отступаю на пару шагов. Странное чувство, как проснуться от тяжелого сна.

Найти бы несколько съедобных грибов...

За спиной появляется и стремительно нарастает шум. Оглянуться страшно. Замечаю несущееся на меня жужжащее облако и падаю на землю, прикрыв голову руками. Желание только одно – зарыться совсем.

Стихает, я пытаюсь встать. По телу пробегает мелкая дрожь, ноги не держат.

– Кирилл? – осторожно поднимаю его.

Глаза открыты, но он меня не видит. Никак не реагирует. Я встряхиваю его, – Кир, приди в себя уже! Кира! – от звука собственного голоса мне становится легче. Наконец, лицо его обретает подвижность, и он тут же хватается за меня, будто тонет.

– Никак не мог уйти, понимаешь? Жутко, а не мог! – так часто дышит, что захлебывается воздухом, но я не злюсь.

– Блин, а я не подумал, что они летать могут... как-то непохоже было.

Теперь он идет за мной след в след. Что за наказание! Почему не остался с Юлой? Надо было с нами потащиться!

Заросли отступают, скоро выйдем на поляну. Интересно, в какой стороне дорога? И может ли Альберт разыскать нас по запаху? Смешно. Однако у Кирилла такое серьезное выражение лица, в фиолетовых пятнах от ягод, что я опять начинаю раздражаться. Прибавляю шаг. Хочу сбить Киру с ритма, чтоб перестал сопеть мне в затылок и оступился.

– Что там происходит? – перепуганный, готов сорваться в любую секунду в кусты, но только если и я туда же.

– Пошли посмотрим.

Звуки, доносящиеся с поляны, беспокоят меня все сильнее. Похоже на драку. Идем осторожно, стараясь не показываться из-за деревьев раньше времени. Все равно, лучше посмотреть, чем подставить кому-то спину.

Кира вздохнул рядом. Спрятался за меня. Каких-то два года разницы ничуть его не оправдывают. Больше желая отделаться от прилипалы, чем удовлетворить любопытство, я выхожу из тени и останавливаюсь, не зная, что предпринять.

На противоположной стороне чернеет лес, и у его края Сашка пытается одолеть превосходящего его по размеру противника. Учитывая Санин рост, тот явно выше двух метров. Прежде чем мы с Кириллом добираемся до середины поляны, Сашке каким-то образом удается одержать верх. Он смотрит на нас, прикрывая глаза ладонью от солнца, и устало пританцовывает в траве.

– Эй, придурки, все веселье проспали! Где вы шлялись? – небрежно пинает тело. Ждет. Но мне не до смеха. Вместо того, чтобы ответить ему, я опускаюсь на землю рядом с убитым и пытаюсь понять, что случилось. Кирилл просто стоит и помалкивает.

– Пришлось постараться, а здоровый, да? Я как увидел его, подумал даже, что вроде великана, но не дотягивает...

– Да, не очень, – худой и заросший, кое-где седина в волосах и бороде. Лицо не изможденное, суровое, острое, а руки жилистые и крепкие, – как тебе удалось?

– Как, как, вот так! – Сашкина ухмылка гаснет, он садится напротив меня, – Упал. Нога что ли у него была больна, как-то он неловко двигался, и вон, в яму угодил, ну и все.

– Не понимаю, чем ты его? – все еще не осознаю, что рядом мертвый, что у него настоящая кровь и что он не исчезнет, не превратится в свору черных мышей...

– Этим! – поднял длинный тяжелый клинок и показывает мне. Держит одной правой, а я вижу, как она дрожит от напряжения. Рукоять простая, лезвие в красных разводах и пятнах. Наверное, что-то изменилось в моем выражении лица, потому что Сашка выронил оружие и вскочил на ноги.

– Это его, он как раз чистил, а я отвлек, я...я быстрее, успел схватить. Что мне было делать? Я сказал – отдай сумку, там еды полно, я видел, он ни в какую! Начал – кто ты такой и прочая дребедень, он набросился на меня! Что нужно было, по-твоему, делать?

– Не знаю, попросить... В смысле – у него попросить, может, он бы поделился, – чувство такое, словно рассыпаюсь на тысячи маленьких кусочков. Я перестаю замечать что-либо, хочу, чтобы Сашка прекратил говорить об этом, просто – замолчал и все, а он не успокаивается.

– Что ты так беспокоишься, он же... он, ну, бродяга! Он плохой.

– Не знаю...

– Что не знаю, разве мы встретили кого-то хорошего, нормального здесь? Или надо было дожидаться, пока он обернет-

ся какой-нибудь тварью, еще одним медведем, и захочет нами закусить?

– Он не похож на Мастера и на людоеда, – кажется, Кирилл заговорил.

– Ты вообще заткнись! От тебя одни неприятности! Ты ни на что не способен! Может, вы нашли для нас пищу? Чего молчите? И какой выход? Хрен знает, сколько нам ехать до этой деревни, день, трое – что вы намерены были делать?

– Он настоящий, Саш, – стараюсь взять себя в руки и зачем-то дотрагиваюсь до убитого, продолжая не верить своим глазам.

– Да мне наплевать! Дэн, разве ты не понял, нам просто нужно выжить здесь! Этот чертов тайник, эта чертова игра, если в ней такие правила – значит, такие! Ты привел нас сюда! А я намерен дойти до конца! Блин, это даже лучше, чем все, что было там, до... Здесь я знаю, чего хочу, знаю, что делать. Здесь все, Дэн, настоящее, все! Все! А не как раньше – одна видимость, видимость жизни, видимость смерти...

– Я не приводил вас сюда! – кричу, что есть сил, в висках звенит, но все равно слишком тихо, – я не хочу таких игр!

Иногда кажется, что все, что ты говоришь – правда. Ты убежден в этом так сильно, как только можно быть, потому что убежден в себе. А потом оказывается, что это была ложь, и даже винить себя не получается – просто не было момента ее проверить. Наверное, рано или поздно случай приходит, но иногда перед этим случается в конец завраться. Странно,

если говорить одними прошедшими испытание словами, я бы и трех предложений не произнес вслух.

– Посмотрим! Что же ты будешь делать? – отступает, поглядывая в мою сторону с опаской.

У Киры округлились глаза. Он весь как-то сжался, и сейчас я бы ему даже четырнадцати не дал. Из леса к нам приближаются двое. Ростом меньше убитого и моложе. Один из них направляется прямо ко мне. Снова со временем какие-то неполадки. Мне удастся схватить Сашкин клинок, вскочить на ноги и увернуться от первого удара, но совершенно не получается подумать.

Я не узнаю чувств, внезапно охвативших меня. Похоже на радость, к которой примешан и страх, и гнев. Дикое, неудержимое желание жить, словно проснувшееся после вековой спячки, пронизывает тело электричеством, и что-то темное, такое же страстное и яростное, идет вместе с ним. Желание жизнь отнять. Я пытаюсь еще удерживать контроль, но, увидев оскал своего противника, забываю о нем. Это больше не к чему. Он не человек. Клыки как у матерого волка. Звук, с которым они щелкают, хватая воздух, пробегает холодом по моей спине.

С Саниной помощью, мне удастся подгадать момент и перерезать оборотню горло. Кровь вырывается горячей струей и лишь мельком попадает на меня, но сразу исчезает все, кроме страха, а разгоряченные вены покрываются льдом изнутри. Я опускаюсь на колени, подкатывает дурнота. Желу-

док пуст, только судорога проходит по телу.

– Вот ты не умеешь им пользоваться! Видел бы себя со стороны, – Сашка, как ни в чем не бывало, вытирает лезвие о траву.

– Что, и этому с ногой не повезло?

– Да все уже, не ной! – поднимает Кирилла за шиворот и ставит на ноги, – а? не, у этого с глазами были какие-то непорядки – сам не знаю, куда он смотрел?

– Ну да.

– Да.

– Саш...

– Чего? Кира, е-мое, нечего сопли развозить, собери иди их вещи! – внимательно изучает одного.

– Я... хотел сказать, – сглатываю слюну, отворачиваюсь, но повсюду в глаза лезут мертвые, – тот, ну которого я... Мне кажется, я его знаю.

– Шутишь?

– Нет, он напомнил мне Беорна. Сейчас, – останавливаю нетерпеливое восклицание, – в общем, я когда маленьким был, любил всякие истории про викингов читать, и просто – сказки разные, ну бывало и сам сочинял, когда нечего было делать. Он, – я кивнул на тело, – именно таким я представлял Беорна, которого сам же и придумал, а потом по ночам боялся. Сидел при свете, пока не засыпал.

– И долго?

– Что?

– Долго ты его боялся?

Я нахмурился.

– Оружие я себе заберу, советую поступить также со своим Беорном, да пребудет память о нем в веках...

– Пошел ты! Придунок!

Рев мотора нарушил только что набравший силу ход моих мыслей. Спустя несколько минут на поляну выехал Альберт. Остановился, раскрыл дверцы. Урчит, видимо, сытый.

– Я же сказала, от дороги не уходите! Мы с Бертом уже час вас ищем по лесу, что вы тут делаете? – веселый, но недвольный голос.

– Пошли, еще придет сюда, – Сашка, схватив вещи, бежит к Проводнику.

За ним торопится Кира, тоже с сумкой. Он, наверное, ничего не упустит.

Я иду следом, но что-то тянет обратно, держит меня. Не знаю, может, предчувствие. Удивительно, клинок Беорна не кажется мне тяжелым. Короткий, против Сашкиного. Я заталкиваю его в кожаную сумку, а оттуда идет дух вяленого мяса. В миг скрутило живот от голода.

– Денис!

Альберт рычит, выбрасывая комья земли из под колес.

– Да поехали без него, чего копается! – Сашке надо бы починить голову.

С дороги мы сбились, но Юла говорит, что Альберт все равно не заблудится. Забавно, она теперь почти всегда зна-

ет, чего он хочет и что чувствует. Так и заявила, стоило нам сесть:

– Берту не нравится ваш запах.

На комментарий Сани по этому поводу с просьбой обосновать, что именно не нравится, ответила, что пахнет кровью.

Лес изменился. Ветви стучат в окна, иногда Альберту приходится продирааться через них с помощью зубов. Весь оставшийся день петляем в зарослях. Замечаю, что время от времени Берт возвращается на какое-нибудь место и ныряет в другую сторону.

Ночь опускается быстро, здесь и днем-то сумерки. Альберт зажигает фары, впереди одни деревья. Я перестаю смотреть в окно и пытаюсь заснуть. Бесполезно. Стоило только поесть, Сашка сразу отключился. Храпит. Юла просит перенести Кирилла на заднее сидение, чтобы мы не мешали им разговорами. Снаружи неуютно, я быстрее сажусь на Кирино место и с завистью прислушиваюсь к слаженному сопению за спиной. Молчим. Мы не мешаем им разговорами. Нисколько.

Раньше у них было много общих черт, с короткой стрижкой и в джинсах Юлу можно запросто перепутать с Кириллом, но сейчас, мельком взглянув на нее, я сомневаюсь в этом. Что-то в ней меняется, будто заостряется, становится тоньше, а глаза совсем темные, я стараюсь в них не смотреть.

– Расскажешь потом, что у вас произошло?

– Все как Сашка сказал, так и было.

– Ладно, как хочешь. Я вот что заметила, пока мы с Бертом плутали одни, эти листки, – кивнула на бардачок, – от них очень странное ощущение, я не могу сказать точно, но похоже, знаешь, что-то неправильное в них. Все такое, гармоничное, единое что ли, вокруг, понимаешь? А они – фальшивая нота.

– Угу.

– Угу и все?

– Есть немного. То есть, я тоже так думаю, а еще от этих звездочек и «dream fiction».

– Точно. Почему мы здесь, Дэн?

– Откуда мне знать! Юль, я не хотел, не знал, что все так получится.

Смеется.

– Конечно. Если б ты знал, ты бы пошел один. Не расстраивайся, я не хочу назад. Сашка, мне кажется, вообще рад происходящему. Он чокнутый немного, не думаешь?

– А Кира?

– Что Кира? Ему там было не лучше, это точно. Нет, я действительно не хочу, сначала – да, страшно было... А теперь поняла – это шанс для меня. Как тебе объяснить... Там, скорее всего, я бы не справилась. Мне бы не хватило решимости поступать, жить... так, как я считаю правильным, как я бы хотела. Ты, наверное, не знаешь, что я трус до самых ногтей, всего боюсь на свете. В основном, ерунды какой-то,

не важных вещей, а глупостей. Смешно, правда? Я в последнее время много думала об этом. Это все равно что предавать себя, в мелочах даже, пока в мелочах, потом...потом все перейдет в мелочи. Категории такие условные. Дэн, ты меня вообще слушаешь? У тебя было такое, чтобы ты знал, как надо поступить, а сделал наоборот? И потом даже вины не почувствовал – ничего, пустота. Только она накапливается, и ее набирается так быстро и так много... Я все думаю – как, как другие с ней живут? Я не знаю! Здесь мне почему-то кажется, что я сумею сделать правильный выбор, если придется. У меня предчувствие. Только не вороти нос, как Сашка! Он всегда меня на смех поднимает с моими предчувствиями! Хотя все равно, очень страшно....

– Ты не говорила.

– Да, я не говорила, – опять смеется, – теперь не так уже. Только кое-что беспокоит. Надо свернуть с пути.

– В каком смысле?

– В прямом, надо повернуть. Это маршрут, ты же знаешь, которым нас ведут, каждый шаг запланирован кем-то. А куда? Вот чего я боюсь. Той силы, которая направляет нас. Так что при первом случае, я сворачиваю с шоссе, а вы как хотите!

Лес не кончится никогда, как и ночь. Не думал, что без сна ее бывает так трудно пережить.

– Денис?

– А?

– Мне кажется, или ты отворачиваешься от меня?

Небо светлеет медленно. Альберт приглушил фары и летит во весь опор. Но, замороженный неторопливым отступлением ночи, я удивляюсь, почему мы еле плетемся, почему сразу не запрыгиваем в утро. Если время – это река, то такая могучая, что, разогнавшись в полную силу, мы все равно движемся лишь со скоростью течения. А странно. Чувство такое, что она вот-вот сорвется и понесется вместе с нами, забурлит, вспенится и разобьется о скалы. И тогда уже не будет ни нас, ни времени.

Из сумерек снова выступает лес, правда, какой-то странный. Не пойму, где мы едем. Не видно земли, стволов деревьев. Как будто мы посреди шелестящей густой кроны. Между веток и листьев блуждают клочки тумана. Альберт мягко разрезает это море, притихшее перед новым днем, кажется, не сломав при этом ни одной ветки.

Наконец, кругом разливается первый утренний свет. Юла зажмуривается и осторожно, словно это запрещено, улыбается.

– Дэн. . . . Че за дела? А ты проснись! – Кирилл недовольно заныл, – зачем вы его сюда посадили, а? Твоя была идея? Альберт, остановка!

– Саш, ну ты как маленький, – не может удержать смех.

– Маленький, маленький, заберите его только от меня по-хорошему, – дверца открывается со скрипом, и через секун-

ду Саня начинает вопить и ругаться, – сидите, блин! Говорю, внутри оставайтесь, е-мое... – залезает обратно с таким видом, словно ходит по канату высоко-высоко над землей.

– Все, Денис, ты попал! Это полнейшее дерьмо! Щас я только в себя приду, и тебе придется объяснить, какого черты ты втянул нас в такие неприятности!

– Ты так говоришь, как будто я специально все затеял. Вообще, почему я должен оправдываться?

– Давайте мы спокойно поговорим, Сань, что там?

– Дерьмо!

– Не мог бы ты по точнее – какое именно и сколько его там, что – не разгрести?

– Ты поумничай еще! Идиот!

– Тихо, – одергивает меня. Похоже, теперь я вместо несмышленного брата.

– Да идите вы! – зацепившись ногой за что-то, вываливаюсь наружу.

Над головой огромное яркое небо. Подо мной что-то мягкое, но, кажется, вполне прочное. Пока все хорошо. Не обращая больше внимания на разговоры, я поднимаюсь и на некоторое время забываю, как правильно дышать.

Я стою на дереве. Точнее – на деревьях. Землей здесь служит упругий ковер из переплетенных крон. Только сияющий небосвод без конца и края и ветви под ногами. Оглядываюсь. Альберт стоит твердо, уверенно работает двигатель. Не могу оторваться – корпус переливается на солнце, вспыхивая

альными пятнами и угасая. Кроме нас никого не видно. Дорога впереди, если ее можно так назвать, то вздымается холмами, то падает в ямы. Видимо, нас ждет еще та поездка. А ведь это клены! Несметное количество кленов, уже собирающихся в осень, кое-где золотых и бурых, но в основном еще зеленых, такой поблекшей, засыпающей зеленью.

Идти непривычно, главное – не пытаться понять – как. Не знаю, хочется побежать. Интересно, а если зарыться в листву, получится спуститься? И куда? Альберт остался позади, теперь про их голоса можно забыть. Немного, еще немного пройду и вернусь. Смешно, Саня дико боится высоты. Сидит, наверное, вцепившись в кресло и огрызается на всех.

Внезапно небо становится больше, оно падает вниз и стелется по сторонам. Я останавливаюсь перед ним. Оказывается, мы едем почти по краю. Чувствую, как начинает кружиться голова, и опускаюсь на колени, только бы не упасть. Осторожно подползаю к последней, зависшей в пустоте ветке и заглядываю вниз. Темные огромные стволы под желто-зеленой шапкой листьев уходят так далеко, что разглядеть землю, из которой они растут, невозможно. Сначала думаю, что это конец мира. Потом начинаю различать впереди и справа далеко-далеко поля и лес, горы, но они прячутся в тумане, который я принял было за рухнувшее небо. Вдруг чувствую, что время понеслось. Только что оно почти остановилось, а теперь я уверен, что прошла целая вечность, пока я лежал здесь и смотрел по сторонам. Черт! Они сильно разозлятся.

– Да ладно тебе, скоро приедем! – снова вместе с Сашкой на заднем сидении. Пытаюсь уговорить его, чтоб перестал ругаться и ворчать. Но настроение не падает, наоборот, совсем забываю про Берта и представляю, как бегу по деревьям с головокружительной скоростью. Я не знаю, когда мы доберемся до деревни, мне это не важно. Правда, дорога портится. Холмы становятся выше и круче, а обрывы неожиданнее. Альберт каким-то образом зафиксировал кресла, я почти не чувствую тряски.

Кира перестал хватать ртом воздух и закричал. Моя голова вот-вот разорвется. Не пошевелиться. Мы словно на американских горках, разница только во времени – катаемся не пару минут, а примерно час. Или больше. Пока не сбавляем скорости. Хорошо, что Берт предусмотрительно связал Санька двумя откуда-то взявшимися ремнями безопасности, иначе он бы метался сейчас по салону как ужаленный и неизвестно, чем это могло бы кончиться.

Преодолев последний холм, Альберт летит несколько секунд и затем, с треском и шумом ломая ветки, падает. Дорога петляет, приближаясь к земле, но Берт не едет по ней, а проваливается сквозь нее.

Удар. Меня отбросило в сторону, и в следующее мгновение я лежу в пыли, в неестественной болезненной позе и чувствую, как что-то отвратительно щекочет нос.

– Молодой человек, долго вы собираетесь топтаться по

мне? – хриплый гнусавый голос.

Совладав, наконец, с ногами, как будто они забыли, что должны мне подчиняться, я встаю и тут же начинаю чихать.

– А как вы хотели? Альберт, негодник, – уже в сторону, – любишь пошутить? Вот я залью сейчас тебе полынного масла, посмотрим, кто будет смеяться последним! Попроси еще у меня яблочка, старая рухлядь! – в ответ доносится глухое рычание и свист проворачивающих колес.

Песок облепил лицо. Замечаю что-то цветное в руке и с облегчением вдыхаю свободно. Яркое сине-красное перо, довольно длинное, как оно могло оказаться в моем носу? Рядом на земле еще несколько.

– Юль? – пытаюсь позвать громче.

– Все отлично! – сидит за рулем в опустевшем салоне и смеется, чуть похлопывая Берта по панели. Ее идея была? Ее? Вот зараза!

Справа слышится стон. Сашке повезло меньше. Переломав на лету перила, он растянулся на веранде под накрытым к обеду столом. Дышит тяжело. Четверо мужчин в рабочей одежде сосредоточенно наблюдают за ним, один даже не встал со стула.

– Где Кирилл? – злюсь и не скрываю этого.

– Молодой человек, вы не хотите извиниться? – ко мне подходит высокий пожилой мужчина с острым птичьим носом и, поправив круглые очки, подозрительно щурится, – ну так что?

– Простите, я не хотел...

Он в длинном темно-синем плаще, пыльном и посеревшем внизу, а волосы торчат щеткой, даже забавно при его серьезности носить эдакую прическу.

– Хорошо, я прощаю вас. Впредь будьте осторожны, за Альбертом надо присматривать, иначе окажетесь в положении похуже.

– Где мелкий? – Сашка смахивает с моего плеча очередное перо. Еще одно такое же выглядывает из рукава синего плаща старика.

– Здорово, да? – улыбается Юлька.

– Обалдеть просто! – Саня осматривается кругом, лицо его становится все растерянное.

Как и мое. Мы добрались до деревни. Свалились прямо на площадь. Сверху. Не знаю, как здесь принято, но я бы предпочел другое появление. Рядом много людей. Становится не по себе. За прошедшее время я успел отвыкнуть от толпы и шума.

– Ой, вон, кажется Кирилла достают, – понеслась ко входу в деревянный большой дом. На ступеньках суетятся несколько человек, раскачивают заплесневевшую бочку, спорят и смеются. С пятой попытки им удается ее опрокинуть. На дорогу выливается золотой прозрачный напиток, и кубарем выкатывается Кирилл, мокрый и разболтанный.

– Повезло, сидра почти не осталось, – плотный румяный мужчина в комбинезоне останавливается рядом с нами, – но,

по-моему, вашему приятелю и этого хватило, – еще двое поднимают Кирилла за руки и ведут к нам, Юла торопится следом.

– А вы кто, собственно? – все так же недоверчиво, спрятав перо под одеждой, настаивает старик.

– Саша, – протягивает ему руку, я только рот раскрыл.

– Гэлван, смотритель Гэлван, к вашим услугам, – у него запотели очки.

– Это – Денис, Юля и... и нечто, похожее на Кирилла, – у Киры улыбка до ушей, а глаза совсем заплыли.

– Я – Бьола, – толстяк хватает мою руку, крепко жмет ее, слышу хруст пальцев, бросает и принимается за Санька.

– Тем не менее, не ясно, что вы здесь делаете, – настаивает смотритель. У меня такое чувство, словно на лбу загорается надпись: «Да, это мы свистнули ваше яблоко».

– Мы собирались...

– Нет, нет, юноша, Саша – да? Все объяснения вы дадите в мэрии, я всего на всего гость здесь, вот если бы мы встретились на станции, тогда...

– Давайте, пристройте Альберта! У нас, конечно, маленькая стоянка, но Димфу мы потесним, – Бьола кивает головой на привязанный к поручню черно-желтый байк, который тут же недовольно фыркает и показывает нам два белоснежных клыка.

Самое большое здание на площади – трехэтажное и, в отличие от остальных, из кирпича. Это одновременно и мэ-

рия, и школа, и лазарет. Если взять в расчет решетки на окнах подвального этажа, еще и тюрьма. Наверное, здесь не так много жителей.

Я знакомлюсь с дюжиной-другой человек, но никого не запоминаю, как во сне. Переполох, вызванный нашим появлением, постепенно сходит на нет. Только зритель не оставляет нас. Наверное, думает, что стоит отвернуться, и мы улизнем, не дав никаких объяснений. И не скажу, что у него для этих мыслей нет повода.

Окно тусклое от накопившейся пыли, но глаза все равно не поднять. Свет падает как раз на меня, и почему-то кажется, что он шершавый на ощупь. То и дело тянет почесать лицо.

– Какими глупостями приходится заниматься! Черт возьми, Гэлван, у меня работы – невпроворот! Мало ли тут шляется... Вот два сезона назад говорил – закрывать дорогу надо перед сбором урожая, все некогда... Никаких распоряжений из города уже давно не приходит, и пока я здесь сам принимаю все решения. Так вот, молодые люди, – низкий голос вдруг повернулся в нашу сторону, – давайте быстро управимся с формальностями и разойдемся, – ругается, опустив голову, слов не разобрать. Они глухо падают на стол и теряются в нагромождении пожелтевших бумаг.

Все время ходит, садится, мучительно долго ищет что-то и тут же вскакивает. Снова ходит.

Вижу только очертания комнаты. Если отвернусь от краешка темного деревянного стола, на котором сосредоточился, сразу же перед глазами все становится желтым и оранжевым, жгучим, пыльным.

Свободного пространства почти нет. Шкафы, еле сдерживающие давление книг и папок, нависают над нами.

Маршировать ему приходится вдоль окна и гигантского, не по размерам кабинета, сейфа в углу. Пять шагов, поворот, еще два и обратно.

– Куда и с какой целью вы едете? Да подожди ты со своими советами, надо было сидеть у себя на станции, как положено! Конечно... – фыркает, снова садится. Стул под ним скрипит, а тень его длинная и худая. Я вижу, как она скользит туда-сюда по полу.

Кажется, они слишком долго молчат. Начинаю чувствовать беспокойство, но что сказать – не знаю. Думать тяжело, какое-то оцепенение, и везде этот удушливый свет.

– Дэн, подними голову! Там, над сейфом... – Юлька.

Кирилл между ней и Сашкой, винный дух от него медленно расплзается по комнате. Только бы не отключится.

– Посмотри! – достанет же! Я ни черта не вижу, пятно какое-то. Похоже на объявление, поблекшее от старости. Она думает, я разберу эти буквы?

– Мы едем к Магистру, у нас приглашение на праздник! Так что вы не имеете права нас задерживать! И вообще, пошли! – шум и возня справа, Киру усаживают на место.

– Успокойся!

Некоторое время я слышу, как в спертom воздухе звенят и переливаются пылинки. Никаких шагов. Только в коридоре кто-то громко разговаривает и смеется. Медленно на стол выползает гусеница, примерно с палец размером, тащит за собой бледное тело, пересекает тень от горы бумаг и появляется в освещенном треугольнике еще большей, чем до этого.

– Никто вас не задерживает, вы свободны в передвижениях. Вы ведь не нарушили никаких правил? – одновременно с другой стороны:

– Весьма сомнительно, что Магистр их ждет. Думаю, нельзя их отпускать. Мы не знаем, кто убил Шенаха с сыновьями, а ведь у Лагена и Ласера еще пять братьев. Нужно все хорошо обдумать, от этого решения многое может зависеть.

– Гэлван, мне кажется, или ты должен был отправиться к себе еще на рассвете?

– Я старше тебя по званию и имею право... – замолчал, слышно хриплое яростное дыхание из-за стола, – по крайней мере осмотри их вещи, мне не нравится их одежда, вот этих двоих. Запах волков. Они или друзья оборотней из леса, или враги. И в обоих случаях тебе грозят неприятности. Либо придется объясняться с полицией, либо... – понижает голос до шепота, – сохрани тебя Бог, если за ними охотятся, как только в лесу прознают, что они здесь, за ними придут... Ты понимаешь, о чем я? – еще тише, – посмотри на них – разве ты не чувствуешь? – уже эхо от слова, – кровь.

Гусеница резко выгибается, поднимает голову и с лязгом вонзает острые, сверкнувшие холодным металлом, зубы в доску. Секунду-другую она грызет ее как сумасшедшая, по краям вырастает горка опилок. А хвост дергается и бьет по столу. Не проронив ни слова, мэр заносит над ней огромную в кожаном переплете книгу и опускает с такой силой, что слышно, как стол трещит по швам. И еще один, противный, хлюпающий звук. Пусть только он не поднимает книгу больше, не надо! Оставьте ее лежать так! Но мэр не слышит моих мыслей. Оторвав регистрационный журнал от поверхности, он еще три-четыре раз лупит по одному и тому же месту. Вся пыль взлетает в воздух. Кругом раздается кашель. Я улавливаю шипение и лязг зубов. Через минуту все заканчивается. Мэр садится. Его сухой резкий смех отгоняет чувство отвращения и ужаса, охватившее меня. Если не смотреть на книгу и не думать, что находится под ней.

– Вот невезение, паразитов что-то полным-полно в этом сезоне, попортят они нам яблоки! Неудача! Ладно, – вскакивает и оживленным уверенным голосом, – сам видишь, мне некогда о всякой ерунде беспокоиться! Ну надо же, куда забралась, паршивка! Потому что глупости! Что, эти мальчишки, по-твоему, смогли бы убить хотя бы одного волка? Впрочем, – в сторону от меня, – а, ну его! Деньги у вас есть? За бесплатно вам тут поесть и поспать не удастся, в другое время еще может быть, а сейчас лишнего ничего нет. И тем более – свободных рук.

– Мне придется отправиться в город, так это оставлять нельзя.

– Давай, давай, объясни, почему они мимо тебя проскочили! Так что на счет денег? А?

– Вот! – Кира вытаскивает на стол помятую бумажку с Томасом Джефферсоном.

– Откуда она у тебя? – у Юлы лицо вытянулось. А Сашка молчит. Молчит? Кирилл что, стащил у Санька из куртки его талисман – два доллара², которые ему отец привез из штатов?

– Молодой человек, бросьте шутить! Мой внук такое за пол дня нарисует! Я про деньги говорю!

– Нет у нас ничего. Может, найдем другой выход? – глотать больно, во рту пересохло.

– Я так и знал! Идите, умойтесь в гостинице, там вас накормят. Потом Бьолу разыщите – он вам о все объяснит. Но сделайте одолжение, чтоб дня через два я вас тут и в помине не видел! – грозно, как будто мы что-то натворили, – на всякий случай.

– Пошли! Есть хочется! Юль, а у них, наверное, пива нет? Что-то жарко очень, – Кирилл забирает со стола портрет Джефферсона и прячет в задний карман. Санька не говорит ни слова. Как немой. Я на мгновение растерялся из-за этого. Смешно, так бывает – знаешь, например, что это он говорит,

² Банкнота в два доллара редко встречается в обороте, считается, что она приносит удачу.

а как звучит его голос потом – ни в жизнь не вспомнить!

Я все пытаюсь разобрать, на что мне Юлька указывала, слова плохо связываются между собой, ощущение такое, что самое важное я все время пропускаю. Нельзя было так долго сидеть в запертой комнате с Кириллом. От него просто мухи дохнут!

За спиной зритель продолжает о чем-то спорить с мэром, дверь закрывается, теперь их крики приглушеннее, но выше. Здание старое, одни коридоры и повороты. Прохладно, хочу сесть и отдохнуть на полу, на улице такое пекло! То и дело натыкаемся на кого-то, очень много людей, и все разговаривают. Одновременно. Кажется, у меня голова сдвинется от этого. Впереди показался выход. От одного взгляда на раскаленный песок меня разбирает тоска. Все ближе и ближе, жара уже вливается в легкие с воздухом. Кирилла шатает, его постоянно направляют, чтоб не попался под ноги. Таким большим себе кажешься, я помню, а со стороны... Кира еще маленький, мне не верится, что он вырастет когда-нибудь, станет длинным как Санька, скорее – наоборот. По-моему, он уменьшается и уменьшается, и однажды просто исчезнет. Черт, здорово ему влетит! Ненавижу, когда Сашка злится молча. Дело, значит, хуже некуда.

Останавливаюсь. Слова, наконец, выстроились по смыслу, и я понял, о чем говорила Юла. Объявление было как раз по нашу душу. «Будьте внимательны! Если встретите охотников за ключом, задержите их! Выполните свой долг! Не

доверяйте незнакомцам!»

Не доверяйте незнакомцам. Особенно с синими перьями в рукавах. Ноги наливаются свинцом, тяжелеет голова. Как надо быть осторожными! Как нам не влипнуть здесь в историю? Еще больше, чем сейчас. Но мысль внезапно соскальзывает и возвращается к зубастой гусенице. Что, у них тут такое водится на деревьях? Смотрю вверх на раскидистые яблони, они здесь повсюду. Высоко-высоко – небо. Представить сложно, как далеко от нас облака, и там ветер может лететь по прямой сколько вздумается. Над кронами, где-то в сотне метрах над нами...

За лестницей не уследить! Только успеешь ободрать одну ветку, тут же несешься к следующей! А петляет так, что я запутываюсь, где верх – где низ, не то что – право – лево. Смех разбирает! Представляю, как я выгляжу со стороны, балансируя на перекладинах и охотясь за спелыми миндальными яблоками, ну точно слон на коньках! Приятно держаться за ветки, чувствуешь, как по ним течет сок, жизнь, сила.

Никакого сладу с ней! Мне кажется, она специально забирается в самые густые заросли и все выше. У остальных лестницы покладистее, пока один ярус не соберут, на следующий не полезут. Внизу живого места нет, людей – сотни две, не меньше, а еще корзины с яблоками, то опускаются заполненные, то поднимаются опять пустые. Голова кружится от суеты!

Там, ближе к земле, слышен хохот и нескладное пение, а я дальше и дальше забираюсь в тишину и солнечный свет. Никого кругом, один ветер блуждает в листве и шепчет что-то. Не боюсь из-за уверенности, что не упаду, лестница как-нибудь извернется, и я опять за нее схвачусь, но проверять не стану. Пока не хочется. Яблоки такие красивые, но очень твердые, людям не укусить. Можно только разрезать, а внутри они сочные, кладешь в рот маленький кусочек и он долго-долго тает. Сладкий.

Кто-то рассмеялся рядом. Я не успеваю повернуться, золотистые волосы мелькнули в листве и исчезли. Или мне кажется, или я на самом деле постоянно натываюсь на нее, узнать хотя бы имя... Конечно, эта проклятая лестница никогда не вырастет в ту сторону, которую надо! Сначала осторожно, потом увереннее я перебираюсь на ветки и лезу вверх. Даже не за голосом, просто нравится, хотя от него у меня появляется подозрительная легкость в голове и слабость в ногах. Слышу, прорастает сквозь крону, растет за мной, отвечают они за пассажиров, что ли?

– Куда собрался? – Кира сидит, свесив ноги, рядом почти полная плетеная корзина.

– Так...

– Давай, кто быстрее залезет на крышу? – бросает яблоко, и корзина на веревках уносится вниз.

Я еще ничего не ответил, а он уже с грациозностью мартышки забрался на следующий ярус и подзуживает оттуда:

– Страшно, да?

Слон, конечно, может благодаря везению несколько минут выписывать пируэты на льду, но заканчивается это всегда с грохотом. Сам не знаю, каким образом я преодолел метров пять по этим веткам, Кирилла догонять без толку. Он словно всю жизнь провел на деревьях, разве только хвоста недостает. А падать страшно, хлещет тебя со всех сторон по лицу и рукам.

– Нормально? – интересуется еще!

– Отстань, выиграл, ладно, – хорошо, что я оказался прав, если б не лестница, свалился бы кому-нибудь на голову, хорошенькое яблочко!

– Здорово здесь! Правда? – зачем спрашивает?

– В смысле, наверху?

– Ну и в деревне, мне нравится.

– Ничего. Слушай, ты только будь осторожнее.

– Юлька сказала, странно, да? Откуда они могли про нас узнать?

– Ты что, не понял? Мы не первые и, наверное, не последние... Я не только про это. То есть с ними, конечно, надо держать ухо в остро, но я больше про Санька. Ты не делай мне невинное лицо! Зачем деньги спер?

– Не помню, я не брал. Че ты привязался! Достали уже! Он выронил там, в штольнях, я подобрал, а вернуть – забыл, некогда ж было!

– Да, ему расскажешь.

– Пошел ты! – рванулся наверх, но я схватил за руку, усадил обратно.

– Кир, я не шучу. Сашка если взъестся – мало не покажется, ты не спорь с ним, если что, понял? Извинись, скажи, мол, это в последний раз... Короче, не зли его своими сказками, усек?

– Ладно... – вроде договорились, – а где они?

– Не знаю, Юла с Альбертом гоняют за деревней, а Сашку давно не видел... Ну он сюда ж не полезет, сам знаешь.

– Точно, – рассмеялся, и я за ним, представив Санька, вцепившегося в ствол чуть ли не зубами.

– Жалко, Альберта бы побаловать... Вроде до хрена у них этих яблок, а все равно нельзя...

– На всех, видимо, мало.

– Я так понял, они вроде трюфелей у нас.. – а сам умудряется, пока мы спускаемся, два-три яблока запихнуть в карманы.

– Точно. Кир, если ты так Санька не выносишь, зачем с нами пошел?

– Почему – не выношу? – я не отвечаю, – ну не знаю, он же Юльке нравится... и потом, он не всегда – говно, повыделывается и перестанет. Если б я был как он, мне б, наверное, тоже крышу иногда сносило...

– То есть? – в голове не помещается – что значит, Юльке нравится? Не понимаю этих слов.

– А то сам не знаешь! Он ж у нас – первый парень, в школе

был и в универе будет, Санек такой – центр вселенной, ему можно... Дэн, ты не переживай так, ты тоже симпатичный, Юла говорит, не на мой вкус, извини, – смотрит, ухмыляется, потом перестал и устало так:

– Ты странный, вы все странные. Вроде как не на людей смотрите, а только внутрь себя и видите там их отражения, понимаешь? Я даже объяснить не могу, мне так жить хочется, а вам умереть не страшно... Ты ж ничего не видишь так, как оно есть. Везет тебе, конечно, уметь надо. Дешевка все, и наплевать! А ты, да и Санек, чего-то ищете, чего-то другого... А его, может быть, и нет!

– Подожди, что значит – не видишь, как оно есть.... Я ничего не понимаю!

– А то и значит, вы ж убили их! Тогда, в лесу! Сколько крови было! Только тебе – хоть бы хны, и Сашке... А я их вижу, стоит мне глаза закрыть, понимаешь, мертвяков ваших вижу! Почему я-то? Ты вот, нет?

– Они же не люди! Были, не люди! Они на нас набросились!

– Точно, как Санек их старика зарезал, так и набросились! Говорю же, ты не понимаешь! – мне вдруг сильно захотелось ударить его и сбежать, чтоб не было этого разговора совсем.

– Не люди...

– Ты думаешь, Сашка это заметил, до того, как мы подошли? Ему по хрену было, это ты заставил его оправдываться!

– Заткнись, Кирилл!

– Почему? Сам начал! Не больно приятно, да? А все меня тычешь – не делай того, не делай этого! Нашелся, умник!

Еще немного, и я ему точно врежу, прямо чувствую.

– Они найдут меня, Дэн...

Зелень повсюду. Ни с того ни с сего, начинает резать глаза, ужасно хочется спуститься. Я ищу подходящую ветку. Моя лестница куда-то запропастилась, наверное, соскучилась с нами... Вдруг вижу рядом в листве – Смотритель. Наблюдает. Как давно? И что он услышал?

В одно мгновение он поднимается и прыгает. Оказавшись напротив меня, дышит чуть ли не в лицо:

– Воры! – поворачивается к Кириллу, – разве не известно, что нельзя утаивать яблоки? Мелкий пакостник! – он как-то неуклюже растопыривает руки, ветер развеивает его синий плащ и кажется, что он растет, набухает как будто.

Я чуть не вскрикнул от страха, а у Киры посыпался из карманов недавний улов.

– Еще что-нибудь украдешь, я пришлю за тобой полицейского! За обоими! – пригрозил в мою сторону.

Тут раздался оглушительный хлопок, и он исчез. Вокруг разлетелись сине-красные перья, пух в основном, но и несколько больших. Глупо, я протираю глаза. Заметил только удаляющуюся птицу, не крупнее воробья.

– Видел? – Кира побледнел как полотно.

– Эй, маргышки, дело есть! – доносится снизу.

– Че, Санек, что ли?

– Похоже...

– Долго вас ждать? Как нужны – так их не найдешь! Денис, блин, давай спускайся!

Последние несколько метров самые неудачные, я сваливаюсь на землю.

– Все, на сегодня работа закончилась, есть кое-что поважнее, – сияет как начищенный пятак, и откуда-то кучка растрепанных мальчишек рядом с ним.

– Далеко собираемся?

– Тише ты, разорался! Сделай вид, что гуляем, – и шепотом, – надо кое-что стащить.

– А они все на стреме? – оглядываю воинственную толпу Сашкиных адептов.

– Ты трепись по меньше, и все будет хорошо, – пошел вперед, видимо, объяснений не будет.

Кирилл и я, не спеша, бредем в конце толпы. Если Сашка думает, что это напоминает светскую прогулку, то он дурак. Ни дать, ни взять – малолетняя банда! Они, по моему, не совсем в себе, к тому же. Я расхохотался так, что скрутило живот. Злобные взгляды Санька еще больше смешат меня.

Нервное это дело. Если кто появится, как я дам Кире знать? Спускаются сумерки. Наверху, наверное, небо только наливается послеобеденной тяжестью и гаснет, а здесь уже темно и зажигаются десятки уличных фонарей. От живой изгороди идет терпкий запах. Но предчувствия у меня все рав-

но не хорошие. С самого нашего приезда.

– Почему так долго? – Сашка вернулся, один и немного навеселе.

– Откуда мне знать? Зачем ты вообще Киру послал?

– Он же у нас профессионал... Ладно, не начинай! Ни я, ни ты бы в слуховое окно не пролезли. А малышню жалко, им и без того – нагорит, – смеется.

– Твоя идея была?

– Чего, нет, конечно! Сами подошли, купи, говорят, нам сидр, попробовать хотим. Ну потом сам знаешь... Да я с них и денег не взял – отдал, что мне там полагалось за работу. Блин, спина ноет, тяжелые эти яблоки, замучался таскать корзины! Еще, вдруг, у этого старика собака есть? Я и кошек-то вспоминать не хочу, а Киру не жалко. Да шутка, что ты в самом деле!

– Сильно на него зол? – над нами вспыхнул фонарь, я чуть не подпрыгнул со страху.

– Ты о чем? – смеивается надо мной, – про доллары, что ли? Нет, не сильно, – глаза отвел в сторону.

Медленно из листвы появляются крохотные розовые бутоны, и вся изгородь постепенно зацветает. Пахнет жарким летним вечером.

– Саш, ты...

– Бить его я не буду.

Молчим. Мимо спешат люди с работы в комбинезонах, а им на встречу другие уже в нарядной одежде – гулять. Как

он будет выбираться, у всех на глазах?

– Повезло нам, что хозяин уехал. Будет им с Мастером о чем пообщаться. Как думаешь, дело совсем плохо?

– Мы ж не будем этим путем возвращаться, чего ты переживаешь?

– А каким?

Пожимает плечами.

– Посмотрим, – не внушает доверия мне это его «посмотрим», и не нравится упертость в поисках ключа. Дался он ему!

– Ты что-то мне не сказал?

– С чего ты взял?

– По лицу вижу!

Некоторое время он колеблется, шагает вдоль изгороди и не смотрит на меня.

– Представляешь, оказывается, у них курить можно! Серьезно, нижние листья с яблонь, они только по виду – противные, коричневые и жесткие, если свернуть – будет не хуже...не хуже... кубинских сигар!

– Конечно. Ты их пробовал?

– Листья?

– Ну или сигары? Хватит мне заливать! Я с тобой всегда в открытую.

– Это твой выбор.

– Чего? – я сбесился просто, – думаешь, ты такой незаменимый? Что все прямо сохнут без тебя? Продуманный са-

мый? Кира точно говорит, есть вот в тебе дерьмо, и иногда оно берет верх. Можешь засунуть себе свои секреты. . . .

– Ты что несешь? – я думал, у меня сейчас уши свернутся от его ответа, а он стоит и смотрит непонимающе, – мне кажется, это у тебя скорее что-то на уме. . . . – не знаю, ничего не хочу говорить, – ладно, только не разводи дискуссий, проблема в этих часах. Не уверен, что эта шпана ничего не напутала, но вроде – если действительно добраться до башни и украсть немного песка, даже полные часы набирать не надо, у них все тут рухнет. Понимаешь, ткань времени будет с дырой, и все перемешается. Потом, конечно, установится какое-то равновесие, как я понял, но все равно – будет черте что! Я не знаю, как это скажется на них, в смысле на живых людях. . . . Если время начнет изменяться. . . .

– Тогда как. . .

– Ну с другой стороны, они не очень-то в это верят, это у них как байка, дедушкины сказки. Никто эту башню не видел, ничего страшнее засухи с ними никогда не происходило. Ну и валяются эти часы у старика Фэлви в подвале. Тоже мне, хранитель редкостей! Никому и в голову не придет, что их кто-то надумает выкрасть. И что они правда – необычные. . . . Вот мы и проверим!

– Слушай, может не будем этого делать. Наверняка, есть другой выход.

– Есть идеи? Не-а, Дэн, чтобы все зря? Ты же слышал от Бьолы, если чего и можно добиться от Магистра – то толь-

ко подарив еще немного времени для его проклятого праздника. А нам нужен ключ, малыш, только ключ!

– На хрена вот?

– Денис, ты не понимаешь, что таковы правила? Что мы попали сюда только за этим? Они ж все тут полу монстры – полу безумцы, и потом – может, ничего не случится? Никто ведь не проверял, ну подумаешь – час-другой пропадет? Еще, я, конечно, понимаю, у тебя в голове другие шарики, но ты представь – мы можем что-то сделать... Представь! Не как там – хоть в лепешку разбейся, ни на миллиметр не подвинешь за всю свою долгую-предолгую жизнь! А здесь, от того, как мы поступим, может измениться мир! Дэн, он все равно странный. Сам посмотри – миндальные яблоки, зубастые машины... Не страшно, если он станет еще чуднее... Или наоборот, нормальнее, а? – улыбается. Не потому, что ему весело от какой-то глупости, а потому, что ему хорошо, я вижу. Как будто я первый раз его по настоящему вижу. И понимаю, о чем говорил Кирилл – он всегда самый, всегда первый. Вовсе не злюсь от этого, ему... можно.

Из-за изгороди раздался пронзительный лай. Приближается. Улица только-только опустела. Я мысленно считаю секунды. Сердце как будто с ума сошло. Кирилл с грохотом падает на мостовую, ноги запутались в длинных стеблях.

– Быстрее, быстрее отсюда! – вскакивает как ужаленный и дает деру.

– Ладно тебе, будто эта шавка умеет прыгать через за-

бор! – хохочет Санька.

Слышу, как кто-то по ту сторону изгороди клацает зубами и шуршит в листве. Взбирается? Не тратя больше не секунды бегу за Кирой. Снова лай, уже расстроенный. Поводок короткий? Сашка несется следом и продолжает смеяться.

Узкая тропинка поворачивает возле сарая и обрывается за двумя молодыми яблонями. Здесь кончается земля. Сашка и я сидим на самом ее краю. Справа, ближе к главной площади, расчищена целая поляна. Несколько ручных подъемников постоянно опускают вниз корзины с яблоками. Там всегда кто-то работает и кто-то мешает работать. Слишком шумно. Поэтому мы здесь. С другой стороны сады вплотную подходят к обрыву. Будто хотят уплыть за горизонт – так отчаянно тянут корни и ветви.

– Здорово придумала, нечего сказать! Что-то с ней творится, раньше хоть предупредила бы – когда вернется, куда собралась... Не помню, чтоб у нее в голове было столько дури... Взять и уехать. Кататься! Давно ты ее видел? – поджимает колени к груди, скручивает очередной темно-бурый лист. С его места пропасть не видно, я точно знаю. Вытягиваю ноги. Земля разогрета солнцем. Немного клонит в сон.

– Утром только, как из гостиницы вышли... Говорит, нашла интересные места, хочет кое-что проверить... – тепло разливается по телу и тяжесть.

Отсюда небо кажется больше. Медленно краснеет, ни еди-

ного облачка на сколько хватает глаз, духота отступает. Сашка уже не один лист извел, вокруг нас застыли в воздухе тоненькие нити белого дыма. Такой приятный, фруктовый вкус, а все равно крепкий. Сильно, видать, меня развезло.

– Надо было сразу уехать, как только часы заполучили! Черт! Ты их надежно спрятал? Дэн? Куда ты их дел?

– Да надежно, надежно, отстань! – куда же я их положил? Наплевать, найдутся, – блин, усталость как будто сползает, только что пошевелиться не мог, чтоб мышцы не ныли, а сейчас – как не мои, руки, плечи – дернешься чуток и улетишь, – шуюсь на заходящее солнце.

Несколько мальчишек выбежали к обрыву и принялись на перегонки карабкаться по старому кривому яблоневому стволу. Визжат, дразнят друг друга, мне еще веселее, до слез пробирает. Вдруг один срывается и, неуклюже взмахнув руками, падает вниз. Откуда-то издалека ветер приносит его тоненький детский смех. Остальные подхватывают его и друг за другом исчезают из поля моего зрения. Снова рядом с нами тихо.

– Дурачье! – фыркает, а по глазам вижу – самому до ужаса хочется так же прыгнуть. Раскинув руки, упасть, подставив лицо теплым лучам и алому небу.

– Стра-а-а-шно....? – заглядываю в его обгоревшее ухмыляющееся лицо.

– Не, че там, фигня вопрос! Еще по одной, и сиганем! Да? Денис... Или по две... – достает из кармана следующий лист,

такой длинный, что у меня округляются глаза. Все карманы он ими набил, что ли...

– Слушай, тут это не очень приветствуется, – столько, сколько мы с Сашкой за последний час перевели курительных листьев, обычному рабочему бы на неделю хватило.

– Пусть они малышню свою гоняют, до нас-то – кому есть дело? Я только начал во вкус входить, – снова рядом поднялась возня. Теперь две стайки мальчишек лезут на дерево, стараясь забраться как можно выше. Но к детским крикам тут же примешивается низкое суровое ворчание, и акробаты бросаются врассыпную, только яблоня затряслась и затрещала, – ну как, прыгнем? – руку протягивает, не люблю эти условности, что, мало ему моего кивка? – Дэн, если здесь умереть – это все? Это будет конец? Или мы проснемся где-то еще, еще в более безумном месте? Или вернемся в штольни? Я как-то не представляю, что могу умереть, в добавок – в этом чокнутом мире? Ты не осведомлен о правилах игры на этот случай? – вокруг него уже плотное кольцо фруктового тумана.

– Хрен его знает. Но вообще-то, я тоже помирать не собираюсь, – иногда я несу полную чушь, причем ровно противоположно тому, что есть на самом деле, вроде как – чтоб никто не догадался о моих мыслях.

– Знаешь, а я недавно думал, что быть мертвым очень мерзко. Seriously! Это все отец, с его дурацкими книжками. Воспитывает! Неважно, короче, книжка была про одного

парня, как его из одной школы гнали в другую, и вся жизнь ему опротивела хуже некуда, но в общем, он так ничего был, нормальный³. Мне понравился. Так, я о чем – у него был младший брат, Алли, и он помер, а главный герой о нем рассказывает. Рассказывает, как ходил к нему на могилу, как родители клали цветы на живот умершему... Понимаешь, он говорил так, будто его Алли все еще там, в земле, среди тысяч этих разложившихся мертвяков, и никуда ему не деться, дождь – на него, палящее солнце – на него... Я об этом никогда не думал, ну что они там, в земле... Вообще ничего не чувствовал, даже вспомнить не мог родных, стоя на кладбище. А в жизни – часто с ними разговариваю. Почему так? На меня страх дикий напал, что вот также – зароят тебя и уйдут, а ты лежи там среди всяких уродов... Если ведь тут что случится – никто ж нас не будет....Ну я тут такого не видел. А странно... Ты не видел? Ну его все! Мы никогда не умрем. Здесь, по крайней мере. Вот представляешь, если они там все подохнут, сто лет уж как, а мы здесь – живые! Или где-то еще – живые... Будет еще случай проверить... Так что, прыгаем, Дэн?

Я только молча пожал его руку. Еще одно соглашение. Слияем, Дэн? Подпишемся, Дэн? Только обязательно на пару, ты прыгнешь – я прыгну, ты отдашь концы – я... я что? Достал меня со своей философией! Но все равно знаю, что прыгну вместе с ним. И буду всегда. Так мне кажется. Как

³ Речь идет о книге Сэллинджера «Ловец во ржи».

я уверен, что не перестану дышать. Никогда, пока я есть...
Вот зараза! Даже не курю, просто рядом сижу – и то хватает!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.